СОДЕРЖАНИЕ

2 Аделия Високосная: **Коронавирус как оружие**
4 Ирина Сапир: **Эпидемия «Короны» в Израиле**
6 Размышления поэтов
Антон Свириденко: **29 апреля 2020**
Михаил Борсук: **Коронавирус**
Галина Шубникова: **Весна 2020**
7 Размышления поэтов
Игорь Хентов: **Еврей, «бери шинель, иди домой!»**
Ирина Яворовская: **Коронавирус**
8 Татьяна Бадакова: **Монах**
10 Размышления поэтов
Максим Сафиулин: **Сидядома**
Владимир Иванов: **Стихи против вируса или крысе от года свиньи**
11 Размышления поэтов
Лариса Тараканова: **Коронавирус, будь неладен...**
Не выходи из комнаты...
Яков Каплан: **Но все ж не празднуешь ты труса...**
Виктория Левина: **Я думала, что птицы замолкают...**
12 Антье Зонних: **Коронавирус как новая реальность**
14 Виолетта Минина: **«Сказки Радуги и Солнца»**
16 Надежда Волынкина: **Через математику к литературе и кружевам**
19 **STELLA** представляет:
Коллектив авторов: **«Мастера словесности. Новое время»**
Татьяна Кайзер: **«Францисканергассе, 1 или чего могло не быть...»**
25 Татьяна Кайзер: **От астрономии до литературы**
32 Поэтический салон
Владимир Райберг: **Пристанище**
Максим Сафиулин: **Я не боюсь пустого зала**
Марина Карио: **Дыхание**
33 Поэтический салон
Валентина Бендерская: **Перстень с чёрным гранатом**
Анна Сагармат: **Я дождалась тебя...**
Александр Козлов: **Бревно**
34 Поэтический салон
Алла Польская: **В нашем пространстве**
Нани Сариду: **Звезда**
Юлия Ольшевская: **В глубоком обмороке тени...**
Ольга Фокина: **Не страшно. Не больно. Не холодно**
35 Поэтический салон
Александр Козлов: **Гроза**
Марина Карио: **Подсолнухи**
Эвелина Цегельник: **Небо**
Ирина Яворовская: **Снится мне мой посёлок далёкий...**
36 Милана Гиличенски: **Каждому – своего сада, а в нём чудесных птиц и цветов!**
44 Марина Ламбертц-Симонова: **Какие необходимы первые шаги к тому, чтобы стать писателем?**
48 Марина Карио: **Зазеркалье...**
54 Владимир Райберг: **Высоты. Майн идише маме**
58 Путешествуем с Альбиной: **Песнь Сантьяго**
64 Петр Хотяновский: **Геология и литература**
72 МГП: **Из России с любовью**
74 По итогам питчинга-2019
75 Татьяна Кайзер: **О преображении**
76 Море, солнце и... Балканы

КОРОНАВИРУС КАК ОРУЖИЕ

Глобальная эпидемия – та же война, если кто не понял. И как на любой войне, тут тоже есть свои жертвы. Да, сейчас идет третья мировая. Официально – с COVID-19. И как всякая иная, эта война в том числе имеет свою политическую основу: ***послевоенный мир должен быть лучше довоенного с точки зрения победителя.***

Стремительное развитие общества привело к созданию множества неразрешимых противоречий в рамках сегодняшней социальной психики. К слову, СССР потерпел историческое поражение именно по этой причине – советский социализм, построенный на базе деревенской общинной этики, оказался неспособным ответить на запросы нового городского общества. Но и Запад с его идеей-фикс безбрежной свободы, как высшей ценности, тоже столкнулся с проблемой: а есть ли у свободы границы, и как их совместить с базовым принципом запрета на ее ограничение?

Нынешняя цивилизация исчерпала все источники не только своего роста, но и развития. Мир увяз в дрязгах – он более не прогрессирует, он катится в бездну. Не заметно? Ой ли?! Но все объяснимо – обыватель прикрывает глаза, чтобы не видеть то, чего не желает. Его по сию пору воспитывают и вразумляют – быть не думающим индивидуумом, а послушным винтиком в общем механизме под названием СИСТЕМА. Система, навязанная обществу теми, кому это выгодно. И человек – раб системы, наивно полагающий, что рабство не применимо по отношению к настоящему моменту.

Люди, пришло время очнуться, проснуться – назовите по-своему – главное суть. Но… у многих ли есть желание приостановиться и задуматься – куда катится мир, и в какие тар-тартары качусь вместе с ним я – человек разумный?..

Если честно – нет, не у многих.

Думается, что для того, чтобы спровоцировать Homo sapiens sapiens-а предаться размышлениям в том числе о смысле жизни и как производном из этого о будущем мира, необходимо уничтожить текущее настоящее: с его свободами, социальными гарантиями, уровнем жизни, демократией и всеобщим равенством (пусть во многом и декларативным). Раньше для глобальной деструкции прежнего мира лучшим инструментом были обычные войны. Но сегодня это не лучший выход – неизбирательность и тотальность современных средств уничтожения создает слишком высокие риски.

Повторюсь, глобальная эпидемия – та же война. Но вместо термоядерных ударов по городам, испепеляющих живое и неживое, вирус становится своеобразным аналогом нейтронной бомбы, убивающей органику, но оставляющей материальные ценности. При этом эпидемия не обяза-

тельно должна убить столько же людей, сколько нейтронная бомба, достаточно обозначить саму угрозу массовой гибели. И тогда выжившее население само согласится на значительное поражение в своих правах.

Весна 2020 примечательна тем, что миллиарды людей на планете попали в так называемую «самоизоляцию», или карантин, спущенный сверху, при этом не обоснованный законодательно. Достаточно указаний местных властей, невнятных инструкций: что можно и что нельзя.

От этой неопределенности становится тревожно как никогда. «А куда денешься? – говорим мы. – Пандемия! Тут уж не до законов, выжить бы…» Люди, скованные страхом перед неведомой угрозой, уже готовы поступиться имеющимися у них какими-никакими свободами в обмен на безопасность – реальную или мифическую?.. Какие запреты отменят после пандемии, а какие оставят – вопрос. Что за новые технологии контроля введут под предлогом борьбы с будущими напастями, такими, как та же пандемия, – тоже вопрос: цифровые паспорта, ограничивающие свободу передвижения – не далее 100 метров от подъезда, чипирование, тотальную вакцинацию, создание цифровых портретов… Да кто ж его знает? Но все для «нашего блага», не иначе!..

Пандемия вот так запросто позволяет перейти к новому миру без тотальных зачисток и разрушений. Это своеобразная облегченная версия мировой войны. А все дело в том, что «старое» не желает отступать, хотя все более становится ясно, что дни его сочтены. Система «закручивает гайки», понимая – меньше народа, к тому же оболваненного, им легче управлять. При этом «Золотой миллиард» – неприкосновенен, основная его часть – привилегированные толстосумы, остальные – обслуживающий персонал. А вы думали – для чего оставят «холопов»? Не «барское это дело» – подтирать задницы и чистить уборные, пусть даже они и с «позолотой»!..

Геноцид против народа? Однозначно! Но противостоит ли ему тот самый народ или в яростной давке за «место под солнцем» растопчет соплеменников, рвущихся попасть в «список избранных»?

Человек сегодня не только зол, но слаб и одурманен, его животные инстинкты преобладают над духовным началом; он не хочет ни думать, ни анализировать, ему приятнее развлекаться – главное, чтоб его, родимого, не трогали, а что до остальных…

Безучастность, зависть, жадность и нарциссизм – вот что ныне во главе угла. Мы отказались от саморазвития в угоду массовому «эксгибиционизму», мы срываем «лайки», аплодисменты и восхищение, упиваясь кажущейся собственной значимостью. Я на сцене, Я на трибуне, Я – выше, умнее, богаче, с более накаченным торсом, ягодицами или губами – Я!.. Я! Я – лучше всех!.. А вот истинные ценности – толерантность, эмпатия, преданность, честь и честность – это не про нас, увы…

Хочется задать вопрос: стоит ли во всем винить человека? Или все-таки дать ему шанс – осознать, прочувствовать, пробудиться? Может быть, человеку нужна помощь? Но есть ли те, кто поведут, помогут, подскажут, научат? Есть! Только остаются по сию пору для большинства невидимым фронтом, и все по тем же причинам… (*смотрите выше*).

Как бы кто не сопротивлялся, сторонился, открещивался – но мир трансформируется. И этот процесс уже не остановить. А изменяют его силы, крайне в том заинтересованные. И лишь обыватель продолжает держаться в стороне от процесса, ссылаясь на массу самых разных причин, и одна из них, как это не парадоксально, отсутствие времени на карантине…

Впрочем, однажды опомнятся и они, внезапно обнаружив, что уже нет ничего… и даже того самого пресловутого «Золотого миллиарда», и тех, кто мечтал в него попасть. На его месте возникло нечто новое, то, из чего формируются нынешнее время и новый человек. А вот на потребу или?..

Аделия Високосная, публицист

ЭПИДЕМИЯ «КОРОНЫ» В ИЗРАИЛЕ

Сначала это казалось шуткой. Очередной сплетней, одной из тех, которые люди запускают в сеть, развлекая себя и разряжая застоявшуюся рутину инъекцией адреналина. Немного позже пришло понимание, что это реальность. Но реальность далекая, не затрагивающая нашу действительность. Та, услышав о которой, мы сочувственно качаем головой, при этом явственно ощущая сладковатый привкус радости от того, что это происходит не с нами. «Ну мало ли! Где-то в Китае...» Поохав немного на эту тему с собеседниками, мы стряхиваем чужую горечь с плеча, как случайно опустившееся на пиджак перышко и погружаемся обратно в наши собственные насущные дела.

А потом было ощущение приближающейся гигантской волны. Те, которые пережили цунами на побережье Тайланда в 2004 году, рассказывали, что незадолго до того, как первый водный исполин накрыл берег, в воздухе ощущалось скопище мелких брызг. Пожалуй, это было похожее ощущение. Хотелось что-то сделать, чтобы предотвратить, но мозг терпеливо объяснял поднимающемуся под горло страху, что это уже невозможно. Точка невозврата пройдена. Хотелось куда-то сбежать, уехать, как делают многие во время войн или других смут, но дотошный мозг снова перекрывал эти слабые порывы надежды. Бежать некуда. Накроет всех.

Накрыло. И стало тихо. Неимоверно тихо. Возможно, это самое сильное впечатление, которое останется со мной после этого периода. Оглушающая тишина.

В обычной повседневности мы не обращаем внимание на постоянный гул пролетающих над нами самолетов, гудящих машин, кричащих соседских детей, переговаривающихся людей. Этот шум давно стал частью нашей тишины, фоном наших дней. И теперь, когда эти звуки пропали, когда почти совсем не летают самолеты, когда примерно на 80 процентов уменьшилось количество проезжающих мимо моего дома машин и проходящих моей улицей людей, а те люди, которые все-таки осмеливаются выйти из домов, говорят почти шепотом от придавившего их страха и непонимания ситуации, эта возникшая «орущая» тишина давит на уши плотной подушкой, которую отчаянно хочется сбросить с головы.

Кто из нас мог предположить, что существует реальная сила, которая в состоянии остановить, подобно дамбе, бурное течение нашей современной, технологически оснащенной, политически подкованной и научно обоснованной жизни. Оказалось – существует. И сила эта сокрыта в микроскопической частице, несущей болезнь.

Город вымер, остановился, впал в ступор. Но еще более острый ужас сдавливает ребра, когда говоришь по телефону с друзьями и родственниками из Америки, Австралии, Европы и слышишь от них те же описания, а в их голосах распознаешь тот же страх. И тогда не просто слуховым восприятием новостей по телевизору, а своей кожей ощущаешь, что этот сюрреализм происходит везде. ВЕЗДЕ! Весь земной шар приостановил свой обычный ритм,

притупил цивилизацию, приглушил свой звук. И тогда, подобно ледяному сквозняку, проникающему в дом через щелку в оконной раме, в сознание пробирается странное опасение того, что из-за остановленного на всей Земле ритма жизни, сама планета наша может замедлить свой ход. Придет же такое в голову! Но ведь то, что происходит сейчас, также могло прийти в голову раннее только как безумная мысль или основа фантастического рассказа.

Еще пару месяцев назад личные проблемы людей внутри-квартирного или внутри-офисного масштаба казались личным «концом света», страны утопали в своих внутренних и внешних междоусобицах, представители разных социальных, этнических и национальных групп уничижали друг друга, доказывая собственное превосходство. А теперь... теперь все мы, такие разные, непримиримые друг с другом, застыли в ужасе перед лицом общей проблемы, одинаково страшной для всех в равной мере, без разбора какого цвета у нас кожа, на каком языке мы читаем молитвы, кого любим, где живем!

Я верю в то, что скоро жизнь вернется в свои обычные нормы, цивилизация снова войдет в свое русло, снеся упрямым течением преградившую её на время дамбу, звуки вернутся к своим обычным частотам, и земной шар нагонит свой привычный ритм!

Но самое худшее может быть в том, что мы, вернувшись в свою повседневность, забудем напрочь этот привкус общей беды, общего страха, который стер между всеми нами разницу, загнав всех в один и тот же угол, показал ничтожность проблем, раннее казавшихся катастрофой, напомнил нам о том, что наша жизнь, несмотря на всю свою технологическую оснащенность и научные достижения, очень хрупка и уязвима.

Нам обязательно нужно вернуться из этого насильственного «отпуска» с кладью приобретённых уроков, как с чемоданчиком купленных в поездке сувениров, и обновить ими полки своей осознанности. Тогда все это будет не зря!

Ирина Сапир, член МГП

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОЭТОВ

Антон Свириденко
29 АПРЕЛЯ 2020

А за окном цвела природа,
А у меня шёл карантин…
Хотел воскликнуть я: «Уроды!»
Да ладно, если б я один…
Хотелось закричать: «Доколе!»
Добавить (с матом!): «Шо ж вы там!»
Скорей меня надо на волю!
Не то я лопну пополам!
К берёзоньке припасть щекою,
Упасть на мать-сыру-землю,
И тихим ангелом покоя
Шептали б Небеса: «Люблю!»
Я был бы тих и неразвязен,
Дистанцию бы соблюдал,
Дышал бы в маску, не проказил
И милость к падшим созывал.
Но почему черно на сердце?
Зачем с тревожною тоской
Туда страх отворяет дверцу,
Где раньше был один покой?
Ужели и меня сломили
Те «сорок дней в своих стенах»?
Ужели крылья пообрили,
И мир унынием пропах?
Пройдусь от кухни до сортира,
Сожму недрогнувшей рукой:
Рассудок, сердце, судьбы мира…
Еж ли не я – никто ж другой!

Галина Шубникова
ВЕСНА 2020

Мне снятся сны горько-горько тягучие.
У этой весны дни и ночи колючие.
Из талых снегов одиноко ручьями
Разбегаются новости палачами.
Мне снятся сны безнадежные, серые.
У этой весны новости белые.
Красным крестом перемотаны – схвачены,
Черными цифрами дни обозначены.
Приснись же, сон: улыбается улица,
Птичий гомон кругом, люди целуются,
Идет весна без халата белого.
Приснись же, сон: пандемии не было…

Михаил Борсук
КОРОНАВИРУС

Замер мир, живем в цейтноте,
Встал вопрос, как дальше быть.
Вы, конечно, нас поймете –
Жизнью надо дорожить.

Правит нынче бал «Корона»,
Косит взрослых и детей.
Мы теперь живем как в зоне,
Только нет в ней стукачей.

От евреев ждут спасенья,
Ждет и русский, и грузин.
Но евреи, к сожалению,
Держат жесткий карантин.

Все закрыто, штрафы-штрафы,
Пополняем так бюджет.
Прячемся как те жирафы,
Денег ведь свободных нет.

Магазины, парки, море,
Миштара к ним путь блюдет.
Для народа – это горе,
Взаперти народ живет.

Нервы – как в гитаре струны,
Есть в них прочности предел.
Не жалеет вирус юных,
Старших ряд так поредел.

Но еврейский мир ученых,
Знаем, вирус победит.
И вздохнем мы облегченно,
Ведь иначе и не быть!

Игорь Хентов

ЕВРЕЙ, «БЕРИ ШИНЕЛЬ, ИДИ ДОМОЙ!»

Делюсь я с вами новостью конкретной,
Поскольку с детства истину люблю –
На год вперёд бумаги туалетной
Не прикупил и уж не прикуплю.

Премьер-министру верю с президентом
И всей мишпухе – той, что у руля, –
Умчатся прочь с бумагой инциденты,
И будет вновь бумаги до …,

А с нею вдоволь гречки, манки, риса
И красной рыбы, курочки с лихвой.
Ведь делают младенцам нашим брисы,
Как Б-г велел, моэли в день восьмой.

Не раз, не два показывали миру
Не Кузькину, а Изькину мы мать.
К нам в гости заглянул коронавирус –
Так что, евреям с ним не совладать?

Согласен – дисциплиной не китайцы –
У тех контрольный выстрел и привет.
Но ведь у нас в наличии есть майсы,
Что у китайцев не было и нет.

Мы сорок лет блуждали по пустыне,
Хоть нефти, как соседи, не нашли,
Вс-вышнего при том – святое имя –
В сердцах, как не мешали нам, несли,

И шли одной возможною дорогой,
И возвели в конечном счёте храм –
Что путь к Творцу идёт чрез синагогу,
Публично нам поведал Авраам.

Когда-то с фараоном совладали,
Нацизму дали дружно смертный бой.
Нас извести решил товарищ Сталин,
Но отошёл на Пурим в мир иной.

Напасть исчезнет. Дети вновь в бейт-сэфер
Пойдут весёлой шумною толпой.
На «ма нишма?», ответ: «аколь бесэдер!» –
Еврей, бери шинель, иди домой!

Ирина Яворовская

КОРОНАВИРУС

Откуда этот жестокий выброс
на всю планету, на род людской
с названьем царским коронавирус
и с беспощадной своей рукой?

Никем невидим, никем не слышим,
непредсказуем, но словно кат*,
он рад, когда мы уже не дышим,
когда нам плохо – он тоже рад.

Приспособляясь и притворяясь,
он в нашем теле приют нашёл,
на беззащитных в свой миг бросаясь
и расползаясь как злой слушок.

Он – враг! Он сильный, всегда коварный,
но на войне мы как на войне,
и в этой битве и мы ударом
ему ответить смогли вполне.

И он отпрянул, смирясь, в Китае,
и он отступит в любом краю;
мы в это верим, мы это знаем,
мы защищаем судьбу свою.

* Кат – палач.

В нашей Вселенной нет хаоса.
Всё имеет свою причину.
Всё совершается с какой-то целью,
и всякая неудача несёт в себе урок.

Робин Шарма «Монах,
который продал свой „Феррари“»

МОНАХ

Таак… Карантин, значит?

Сразу же для себя определила стратегию и тактику выживания в сложных условиях: отказываюсь выполнять условия карантина.

Я ухожу в изоляцию самостоятельно, потому что так легче, чем исполнять чью-то волю как насилие над собой.

Стану монахом.

Моя келья – моя квартира.

«Не слишком ли комфортно, для кельи?» – спросите вы.

Вовсе нет, поскольку и монах, не принявший обет.

Итак, помещение имеется, сознание подготовлено. Что же дальше? Ах, да. План!

Как твердят всюду пропагандисты поиска счастливой и удачной жизни, план должен быть конкретным:

1. Дописать «Стокгольм глазами элистинки»;
2. Каждый день продолжать работу над книгой для детей;
3. Закончить «Визитную карточку поэта»;
4. Обязательно читать, в плане пока Бунин;
5. Делать ежедневные упражнения для дыхания;
6. Обязательно выходить на ZOOM, на встречи, организованные МГП;
7. Пройти онлайн-курс шведского языка (первый шаг сделан – записалась);
8. Слушать вечерами уроки сценической речи Рустема Галича;
9. И, куда уж без них, бытовые обязанности…

По-моему, план неплох, пора действовать.

Жить стало веселее.

В первые дни самоизоляции активно работаю над зарисовками о Стокгольме, увлеклась. С фотографиями, (думаю, они здесь необходимы), получилось больше пятидесяти страниц. Мне интересно. Очень хочется, чтобы моим любимым читателям тоже было нескучно прогуляться по красивому городу вместе со мной.

С книгой для детишек сложнее, чего-то здесь не достаёт. Вижу, как должна выглядеть книга композиционно, какие будут иллюстрации, главы, но…

Неужели еще что-то в моей голове не сложилось для написания детской книги? «Конечно, это очень просто – писать для детей. Так же просто, как рожать их*». Возвращаюсь к детской книжице день ото дня. Пока вопрос открытый…

* Урсула Ле Гуин, американская писательница.

Зато с «Визитной карточкой поэта» мне легче. Серьёзно проштудировала написанное ранее, воспоминания захлестнули. Ведь даже простое «Иду я бульваром осенним, вся в золочёной россыпи земля...» навевает множество образов и сцен из моей жизни. Но многое, пусть и дорогое сердцу, не возьму в сборник, за исключением двух-трёх стихотворений. Стихи, на-писанные в последнее время, как-то ближе мне показались по духу, чувственнее, что ли, да и постройнее.

Эта канва с моей маленькой визиткой соткалась быстро.

По утрам, как и полагается монаху, медитирую на лоджии перед раскрытым настежь окном, ловко соорудив себе высокий «барный» стульчик из компьютерного стула и стопки книг. Воздух свеж, по особому нов, потому что весна, пробуждение, радость, хотя и проходит она пока стороной. Медитировать мне прекрасно помогают радующиеся каждому божьему дню воробьи, которым нипочём ни вирус, ни карантин. К их весёлому чириканью примыкают еще более интересные переливы и перещёлкивания других птиц (надо узнать названия). Наблюдаю, как с каждым днём заметно прибавляется количество зелени на деревьях и кустах, из молодой и нежной она превращается в густую темно-зелёную поросль. К концу месяца и трава вымахала такой, что её требовалось покосить. Молодые энергичные пареньки из управляющей компании быстренько стравились с задачей. А небо! Этот бирюзово-голубой оттенок описать невозможно. Все дни оно чистое-чистое, в безмятежном спокойствии.

Вдали, прямо по линии горизонта, проходит трасса, едва заметны проезжающие большегрузные «КАМАЗы» и пассажирские автобусы, возможно, «Астрахань-Краснодар». Значит, не совсем и не везде еще жизнь замерла.

Окна моей квартиры выходят, отнюдь, не на море или горы, а всего лишь на школьную спортивную площадку, на которой уже месяц не видно ни души и не слышны детские голоса. Пустынно вокруг; ну чем не окружение для монашеской кельи?

Проходят дни, мой план в действии, что, конечно, радует. Стараюсь читать. Здесь происходит серьёзная борьба книги со смартфоном с его всемогущим интернетом. Всемирная борьба. Этот «паук» настолько всесилен и всевластен, что устоять нет сил. Но в теперешней ситуации интернет – спаситель, настоящее окно в мир.

Да, как же друзья в изоляции, любимые дети и внуки, общение, новости?! Никак без них.

По утрам – Доброе утро!

Перед сном – Спокойной ночи!

В течение дня – фото и видео с чудными смайликами и сердечками.

На расстоянии, но греет!

Мой день начинается (да и заканчивается) довольно поздно. Я ведь сразу призналась, что монах-то и келья, и молитвы – необычные. Но конечный результат один и тот же – доброта, которая согревает сердца... Моя вера – в моих стихах и прозе.

Мне хочется, чтобы каждое утро было солнечным, день – добрым, вечер – уютным, а люди дарили бы друг другу тепло. Об этом я молюсь из своей скромной кельи, складывая слова в строки стихотворений и как молитвы посылая их во Вселенную независимо от изоляции или чего-то другого.

Вот и получается, что самоизоляция – столь привычное явление для монаха, которое волею судьбы снизошло на все человечество, неожиданно стало прекрасным временем для глубоких раздумий. Временем для работы над ошибками, для очищения душ и подготовки к новым свершениям и удивительным приключениям. Временем перехода на новую реальность.

И пока в моей душе властвует и молится монах, я верю – всё будет хорошо!

Татьяна Бадакова, член МГП

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОЭТОВ

Максим Сафиулин

СИДЯДОМА

Народ от безделья на стены полез,
И кажется – вирус вечен.
Народ не волнует свой собственный вес
И то, что страдает печень.

От отдыха люди сильней устают,
Заброшен подальше веник.
Не радуют дома покой и уют,
Коль ты в этом доме пленник.

Весь день только ешь, а потом только спишь –
Как жабы из детской сказки.
Продуктов набрал, как хомяк или мышь,
И ешь их один. Без опаски.

Нет сил никаких и желания нет.
Что делать – пока не ясно.
Сегодня звонил мне три раза сосед.
Не стал открывать. Опасно.

В Москве каждый житель закрылся и ждёт,
Укрывшись колючим пледом.
У нас в Усть-Илимске гуляет народ,
И вирус ему неведом.

И толпами в парки идёт молодёжь
С открытыми настежь лицами.
Я слышу их смех и безумный галдёж,
Что громче сирен полиции.

Штрафуют, ругают, беседы ведут,
Пугают арестом, нарами.
Уехал наряд – молодёжь тут как тут.
И снова гуляют парами.

Вот спросят меня: «Что нам делать опять,
В подобном аду бесконечном?»
Отвечу – Садиться! Работать! Писать!
О добром, о светлом, о вечном!

Владимир Иванов

СТИХИ ПРОТИВ ВИРУСА ИЛИ КРЫСЕ ОТ ГОДА СВИНЬИ

Говорят, что этот страшный вирус
Заражать болезных под короною
На задворках пессимизма вырос,
Между мышью с белою вороною.

Да, ширится планеты назидание,
И кто забыл: чем дышит человек?
Не сочтите легкость за ВОЗзвание,
Продавцы наших лесов, полей, рек.

В пыли каменных мешков, господа,
Побежать бы поутру вам лесочком,
Солнце, воздух и вода нам – никогда!
Вам полезнее дубинкой по почкам!

Воют воем: «Воротитеся! Не ходите!»
Здесь Федориному горю – не враги.
За бордюры выслан счёт – оплатите!
А отмоем, будут чай, имбирь, пироги.

PS. Отбросив маски лицемерия.

Прикидывая в уме, сколько в мире людей погибло от рук военных и идей политиков, мы не тех изолируем от общества.

Лариса Тараканова
***

Коронавирус, будь неладен,
Тебя ли выдернула тьма
Из очумелых гневных впадин
Неудержимого ума.

Остановись! Уйди! Исчезни!
Последним громом отгреми.
На свете нет такой болезни,
Чтоб не остались мы людьми.

Пусть в карантинах мы и в масках,
Но всё готовы перенесть.
Весна идёт – в лучах и красках –
Как исцеляющая весть.

Виктория Левина
***

Я думала, что птицы замолкают
и кошки замирают, выгнув спины,
и вороны кричат, предчувствий полны,
и штиль на море в многократье лун.
Но нет. На воле бабочки летают,
благоухают розы. И невинны
«анютины глаза». И лижут волны
знакомый облюбованный валун.

Всё как всегда. И только люди биты –
ушли в пещеры, чтоб дышать сквозь марлю.
Боясь касаний, как боясь при жизни
стать мертвецом, отмеченным судьбой.
А мир живёт по-прежнему. Разлита
по небу синь. Закрыты лишь таверны
да дом молельный. Зубы крепче стисни
и жди, что кормчий прокричит «отбой».

Но новый мир уже не будет прежним.
И точки невозврата – словно камни
дорожных вех. И пылью не покрыты
свежайшие могилы пандемий.
Я думаю, что вкус утратил вешний
апрельский ветер. Лбы, что дураками
разбиты об пол, заживут. Мы – квиты,
закончен век бездумных эйфорий.

Яков Каплан
НО ВСЕ Ж НЕ ПРАЗДНУЕШЬ ТЫ ТРУСА

Хороших хворей да и разных
давно ты приобрел букет…
А ныне рой существ заразных
готов тебе послать привет…
Сидишь ты дома, добрый хроник,
вникаешь в смысл подробных хроник,
как будто сводок боевых;
и озадаченно притих…
Как шестеренки, мысли трутся,
и что-то в голове гудит…
Но все ж не празднуешь ты труса…
Или умеешь делать вид…

Лариса Тараканова
***

Не выходи из комнаты,
здесь твоё всё:
Хемингуэй на полке,
Лермонтов и Бо Сё.

В ящике – эзотерика,
музыка и покой.
А за стеной Америка.
Она тебе на кой?

Хватит с тебя скотского
блеянья и вранья.
Перечитай Бродского,
мартовская полынья.

Пересмотри, по ком ты
хлюпаешь тут, скорбя.
Не выходи из комнаты.
Вечности.
И себя.

КОРОНАВИРУС КАК НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

В 2020 году начались новые и кардинальные изменения по перестройке мира с приходом «Корона вируса», как его назвали. Люди забыли, что с наступлением Золотого века, многое обещало поменяться, и вот уже 20 лет, как эти изменения происходят, оставаясь незамеченными для ряда стран. Но развитые страны давно ощутили прогресс, поэтапное развитие и скачок, хоть и с негативной окраской, но с положительным результатом в Будущем. Другие страны со временем подтянутся за ними, с войной, с не желанием, но и с неизбежностью эволюционного этапа.

Да, этот високосный год отделил Прошлое от Настоящего, разделив Человечество на два Пространства. Одно из них существует на низких вибрациях, второе держится и прогрессирует на высоких. И там где-то между ними бродит и внедряется в сознание людей вирус «Корона».

COVID-19 – низковибрационная сущность с замкнутой структурой электромагнитного контура, с частотой резонанса условно-примерно 5.5Гц-14,5 Гц.

Пространство с низкими вибрациями, на которых он поражает людей: горе – от 0,1 до 2 Гц; страх – от 0,2 до 2,2 Гц; обида – от 0,6 до 3,3 Гц; вспышка ярости – 0,5 Гц; гнев – 1,4 Гц; гордыня – 0,8 Гц; мания величия – 3,1 Гц; превосходство – 1,9 Гц.

В более высоких диапазонах он не активен, а, начиная с диапазонов 25,5 Гц и выше, вирус гибнет. Высокие вибрации: великодушие – 95 Гц; благодарность – 45 Гц; сердечная благодарность – от 140 Гц и выше; ощущение единства с другими людьми – 144 Гц и выше; сострадание – от 150 Гц; любовь – вибрации составляют 50 Гц; любовь ко всем без исключения людям и всему живому в мире – от 150 Гц и выше; безусловная любовь – от 205 Гц и выше.

Сейчас можно видеть массовую истерию, как люди оставляют тела, поражённые различными заболеваниями, спровоцированными «Корона вирусом», если находятся в пространстве низких вибраций. В таком пространстве царят паника, хаос, агрессия и программа на самоуничтожение. Осознанность – на нулевом уровне, что не даёт понять и увидеть глобальную перестройку мира.

В другом пространстве люди открывают в себе творческий потенциал и новые возможности, прорисовывают жизнь будущего и приходят к выстраданной любви к себе.

Что же происходит в мире? Происходит отслоение старого мира – того самого пространства на низких вибрациях – от нового мира: пространства на высоких вибрациях. Мир разворачивается «лицом» к другому полюсу, где эволюция приносит наконец свои долгожданные плоды.

Устаревшие религии, родовые сценарии, калечащие традиции, разделение людей по полу, расам, убийство животных, уничтожение растений, загрязнение окружающей среды, многочисленные войны за территории и многое другое – всё это остаётся в прошлом веке, записанном в ис-

тории развития Человечества, которое восходит на новый виток.

Золотой век приносит глобальные изменения, которые очевидны:

1. Освобождение от цепей рабства, человеку больше не нужно работать, чтобы выживать, теперь его деятельность в удовольствие для души.

2. Независимая любовь для каждого, равные возможности и реализация себя в свободе, без чувства долга.

3. Институт брака не актуален, выстраиваются Союзы, в основе которых лежит любовь, основанная на родстве душ.

4. Деторождение переходит в стадию независимого, когда женщина имеет право на выбор, а дети могут рождаться без участия женского тела.

5. Мужчины и женщины становятся равнозначно ценными и равноправными, без привязки к полу, без определения гендерной роли.

6. Появляется третий пол, новое поколение людей с высоко развитым интеллектом и психическими способностями.

7. Приходят учителя Света, которые явили миру новые Знания в своих книгах и посланиях; где человек может напрямую общаться с Богом, без посредников. Церкви перестраиваются в космические планетарии.

8. Появляется понимание о гуманности, сохранении и возрождение природы. Переработка отходов, очистка воздуха и воды, выращивание лесов.

9. Непринятие насилия и убийства в любых формах; вегетарианство, закрытие ферм и цирков.

9. Самоизлечение тела на всех уровнях, без вмешательства медицины. Здоровый образ жизни.

10. Телепатия и новые возможности психики человека.

И многое другое.

Всё это было заложено в фундаменте пространства на высоких вибрациях, и теперь является миру, где каждый перерождается в своём времени, чтобы ощутить нового себя и вдохнуть свежий воздух Любви и Счастья.

«Корона вирус» – это новая реальность для каждого, кто переживает 2020 год, явную и видимую границы изменения мира. Кто хочет идти вперёд, переродившись в новом измерении, кто готов познавать новые возможности человека и следовать развитию своей души, тот видит свою новую реальность за «Короной».

Антье Зонних, член МГП

ВИОЛЕТТА МИНИНА «СКАЗКИ РАДУГИ И СОЛНЦА»

От издательства Stella детскому автору в подарок

Можно задать вопрос? Есть ли на свете кто-нибудь, никогда не читавший сказок? Или не слышавший ни одной сказки?..

Если такой человек и найдётся, то мы, читающие, слушающие и любящие сказочные истории, вероятно, будем искренне ему сочувствовать. Быть может, даже жалеть его… И тут же нам захочется познакомить «несчастного» с книгой Виолетты Мининой «Сказки Радуги и Солнца», в которой дружно живут поживают сразу три сказки – и не какие-нибудь простые, а весёлые и познавательные!

Герои «Радужных облаков», например, брат и сестра Брюль и Лула, дружат с Солнышком. Они весело живут и, конечно, рассказывают друг другу сказки. Скуки ребята не ведают – они неизменно придумывают себе интересные занятия! Какие?..

Скажите, а вы можете раскрасить облака разноцветными красками, взятыми у самой Радуги; разумеется, с её согласия?!

А Радуга при этом – не просто радуга, она живая, смеётся и… боится щекотки, поэтому прячет пяточки и сворачивается подобно котёнку в клубочек! Радугу даже можно поцеловать в нос! Что и сделала Лула, не переставая трудиться над раскраской облаков, при этом не прекращая радоваться и веселиться так, как можно это делать только будучи маленькой! Радость, веселье, счастье – не это ли обязательные спутники детства?

При всей лёгкости повествования первая сказка ещё и познавательна: юным художникам автор дарит первый совет – как смешивать краски, правда, пока только синюю и жёлтую. А также всем-всем ребятам напоминает о важности волшебных слов – «спасибо» и «пожалуйста». Ведь в детстве всё только начинается!

Следующая сказка «Рыжая принцесса» – поучительная история для тех детей, а может быть, даже и подростков, которые не в силах примириться со своей внешностью.

…Но кто не был в детстве рыжим, тот не поймёт…

А впрочем, можно спроецировать историю о рыжей Принцессе и на любую другую проблему подрастающего человечка! Да, Принцесса на то она и принцесса, которая в состоянии примерить на себя в том числе и иной рыженький образ – например, морковки, апельсина или даже белочки.

Весь день Принцесса пробует быть кем-то или чем-то, пока не оказывается одна

в наступающей ночи. Вот в такой ситуации девочка вдруг понимает, что лучше ей все-таки оставаться дома, самой собой, такой же, как мама и папа, и вместе с ними. А они ведь тоже рыжие! Рыжие и счастливые!

Если прочесть эту сказку ребенку в раннем возрасте, скорее всего, он счастливо минует процесс «неприятия себя». А, взрослея, избежит ненужных мучений, которые неизбежно сопровождают человека на этом этапе.

Третья сказка «Про лягушку Капу и почему лягушки зелёные», в которой, оказывается, Капа сначала даже и не была зелёной. Она родилась бесцветной и очень страдала от своей невзрачности, незаметности и... одиночества. Автор практически с первых строк не просто намекает читателю, а прямо так и объясняет причину этих ее проблем и вытекающих из них неприятностей. Но вот Капа пока еще ничего не понимает. Не понимает до той поры, пока в собственный день рождения не остаётся одна одинешенька. Именно так она сначала и предполагала... А ведь плачущую лягушку Капу утешают и старый карп Алфеич, живущий в пруду, и Радуга (как без неё окрасить Капу?), и Солнце, и звёзды в небе...

И вот тут в ответ на соучастие благодарная Капитолина вдруг запела – запела, как умела! И надо отметить, что все с удовольствием слушали именинницу, и не только слушали, но и дарили ей особенные подарки. Какие? О них ребята и их родители прочитают в книге Виолетты Мининой.

И опять-таки нельзя не отметить, что, читая, дети на примере лягушки Капы учатся, и учатся уже тому – как следует сосуществовать с окружающим миром, с соседями, да и в социуме в целом. А еще тому, как важно быть чутким к чужому, пусть даже и маленькому горю; ибо оно, горе, когда «своё», велико. Оно труднее воспринимается, особенно в одиночестве.

Нельзя не сказать и о том, что писатель чувствует, и не просто чувствует, а знает психологию ребёнка; об этом говорит каждая страничка в этой красивой и поучительной книге. А помогают в донесении смысла и его раскрытии иллюстрации художницы В. Султанмуратовой.

Мне думается, впрочем, что не только дети, но и взрослые читатели будут очарованы этими удивительными сказками и добрыми, радостными картинками в ней. Такие сказки нужны, важны и полезны и будут интересны всем любителям и почитателям этого волшебного жанра, независимо от возраста читателей. Таких изумительных и добрых историй должно быть как можно больше в нашем весьма переменчивом мире, и обязательно в каждой семье, где растут дети!

Надежда Волынкина, член МГП

НАДЕЖДА ВОЛЫНКИНА
ЧЕРЕЗ МАТЕМАТИКУ К ЛИТЕРАТУРЕ И КРУЖЕВАМ

Лада Баумгартен: Надежда, сегодня вы писатель, но когда-то начинали совсем не с литературной стези, были инженером-технологом, инженером-патентоведом и даже инженером-математиком. Как так случилось и когда в вашу жизнь пришло понимание того, что уже хватит суммировать цифры, пора складывать слова?

Надежда Волынкина: Да, образование я получила инженерное – институт цветных металлов в городе Красноярске. В 17 лет, после окончания школы, я была в великой растерянности – куда пойти учиться? Ярко выраженные наклонности и способности в те времена не проявились. Девочка была одинаково добротно подготовлена по всем дисциплинам. А друзья искушали – денег нет – иди в Цветмет. Таким образом, пять студенческих лет пролетели незаметно и весело, несмотря на отдельные очень сложные науки. Понимание же того, что я не технарь, пришло в институте… Настолько инженерные науки были мне неинтересны! Но! Доказала себе, что способна справиться с учебой. И именно в Цветмете научилась искусству общения с людьми. Науки психологии тогда в свободном доступе у нас не было, её искусно маскировали названием Марксистско-Ленинской этики. Это были любимые лекции и семинары! Потом распределение, работа в металлургическом отделе большого завода в Удмуртии. Возвращение домой. Ибо поняла, что без Красноярска я, словно растение, вырванное с корнем, но никак не прижившееся в чужой, пусть даже очень хорошей, земле… И что же дальше? Дальше была работа на самых разных предприятиях и в организациях родного города. Замужество, рождение детей. Перестройка. Наш завод «за-

дышал на ладан». Всё чаще стал звучать вопрос: «А что ты умеешь делать?» Именно делать руками?.. Я умела немного шить, вязать крючком и на спицах, но не давала покоя фраза моей бабушки: «А вот есть люди, которые кружево плетут. На коклюшках»...

Лада Баумгартен: О чем были ваши первые произведения?

Надежда Волынкина: Мой первый рассказ был о рыжей собаке, которая меня использовала для проезда в общественном транспорте. Второй – о чёрном коте, который помогал хозяйке доить корову. Вообще, очень люблю животных. В моих рассказах они занимают главное место. Пишу об учениках, о друзьях, подругах. И о кружевах!

Лада Баумгартен: А как вы узнали о Международной гильдии писателей? Вон вы как далеко от нас...

Надежда Волынкина: Очень далеко! Россия – страна большая, а мы живём в её географическом центре. До любой границы чартерным рейсом лететь 7-8 часов! Однако есть всемогущий интернет! Когда одна из моих маленьких учениц, восьмилетняя Оля, сочинила сказку о медвежонке, я записала и опубликовала эту сказку на одном из сайтов. А нашли меня всё-таки вы! Получила диплом для маленькой сказочницы от МГП и издательства STELLA. Именно от вас получала информацию о детских конкурсах: «Дорога сказок», «Паруса мечты». Дети наши успешно в них участвовали. А потоооом.... Получила приглашение к участию в конкурсе Zlatni Pegas! Ну и приняла приглашение, и написала рассказ, и набралась нахальства, отправила вам. И встретились мы в волшебной стране Хорватии!

Лада Баумгартен: Что для вас МГП?

Надежда Волынкина: МГП для меня – это окно в удивительный Мир! Это личное знакомство с писателями! МГП – это ощущение праздника здесь и сейчас!

Лада Баумгартен: А о чем или о ком вы пишите сегодня?

Надежда Волынкина: Сейчас пишу о моих друзьях, о маленьких учениках, о своей семье, её истоках, о моих пра-пра... бабушках и дедушках. Написала три сказки для детей и взрослых, оказывается, писать сказки – это очень интересное занятие!

Лада Баумгартен: Но ведь вы еще и кружевница, а откуда пришло это умение?

Надежда Волынкина: При первой же встрече с человеком, способным научить ремеслу, стала учиться. Эта встреча с моей учительницей и, позднее уже ставшей подругой, Натальей Тереховой, виолончелисткой, приехавшей из Вологды, чтобы работать в оркестре нашего Музыкального театра, круто изменила всю мою жизнь! О том, как помогли кружева выжить в тяжёлые времена, я писала в рассказе «На задворках сознания». До сих пор дрожь пробирает при воспоминании о тех временах. Да, это не война, да, это не блокада, да, я понимаю, что нашим родителям, пережившим войну, было тяжелее многократно. Но осознание краха государства, в котором преж-

де я была защищена, порой доводило до исступления. Подсчёт последних копеек – купить хлеб или оставить на проезд – почти постоянная дилемма. Оставляла на проезд себе и мужу доехать до работы, на которой стали задерживать зарплату, хлеб научилась печь сама. Муку закупали мешками... И вот такой парадокс: именно в это время люди стали заказывать кружева! Именно в это время Наташа пригласила вместе с ней преподавать кружевоплетение.

Лада Баумгартен: Вы преподаете детям, и насколько я знаю, они не только плетут, но и сочиняют сказки. Верно?

Надежда Волынкина: Общеизвестно, что развитие мелкой моторики у детей влияет на развитие многих личностных качеств, в том числе и на развитие речевых способностей. Ребёнок, даже самый молчаливый, осваивая мастерство, начинает разговаривать. Разговаривают обо всём! Мои дети фантазируют, привирают, сплетничают. Даю им карандаши, краски, бумагу, иногда задаю тему для истории. Рисуя и фантазируя, ребята начинают общаться уже от имени придуманных героев. Вот тут только успевай записывать! Когда читаю вслух то, что получилось, как правило, ребята дополняют содержание новыми событиями и высказываниями героев. Сказка Даши Петрушевской «Рождение Весны» заняла второе место в конкурсе «Весны прекрасные мгновенья», опубликована в журнале «Эмотикон». Даша фантазировала, ощущая себя Весной. А бывает, что коллектив студийцев настроен в первую очередь на непосредственное плетение образов героев. Но в уме при этом уже придерживают сюжеты...

Лада Баумгартен: Как вам удается заинтересовать ребят столь необычным делом?

Надежда Волынкина: Первым делом мастер-классы. На всевозможных мероприятиях даём мастер-классы – вместе со студийцами выезжаем на различные фестивали, выставки. А ещё никто не отменил «сарафанное радио»! Дети из ближайшей гимназии приходят в наш клуб во время пребывания в группе продлённого дня, пробуют – у нас много всяких техник, таких как бумагопластика, флористика, валяние шерсти, декупаж, роспись витражей (в миниатюре, конечно же), папье-маше – вот неполный перечень занятий. Кому-то становится интересным плетение кружева.

Лада Баумгартен: Надежда, а есть ли у вас свой девиз или миссия?

Надежда Волынкина: Специально не придумывала ни девиз, ни миссию. Просто живу, наслаждаясь жизнью, занимаясь тем, что интересно в данный момент. Конечно же, есть обязанности и на работе, и в семье, стараюсь справиться сначала с теми делами, которые необходимы и неинтересны, чтобы потом с наслаждением делать то, что люблю!

МАСТЕРА СЛОВЕСНОСТИ НОВОЕ ВРЕМЯ

Литературный альманах МГП

От авторов

Пришло то время, когда любой человек, мало-мальски владеющий словом и письмом, имеющий желание что-то донести до той или иной аудитории, может всего лишь парой кликов мыши опубликовать текст в интернете – на своей страничке, в социальной сети или на литературном сайте. Нет сегодня проблем и с тем, чтобы издать собственную книгу. Но все ли то, что предлагается вниманию тех, кто уже или еще читает, – формирует нас как личностей, учит разумному, доброму, светлому?..

В данной книге мы решили не только опубликовать авторские произведения, но и поделиться своими думами по этой теме. Впрочем, о том, как относятся к книгам сами читатели, что они хотят читать, и хотят ли читать вообще – мы узнали из проведенного предварительно опроса в социальной сети Фейсбук. В итоге мы получили не просто сборник произведений, но книгу-разговор авторов с читателями и наоборот, книгу-напутствие начинающим писателям, книгу-размышление о писательском мастерстве в проекции настоящего времени. Но вначале выслушаем читателей.

На вопрос: «Зачем надо читать?» Мы получили такие ответы.

Татьяна Попова

Конечно, в ответ на вопрос можно написать целую диссертацию. Но я этого делать не буду. Для меня вопрос «Зачем надо читать» равен вопросу «Зачем надо дышать?» И ответ один – «чтобы жить».

Ирина Яворовская

Представить свою жизнь без чтения я не могу. Едва научившись читать, я уже не расставалась с книгой. Никогда. Я убегала на чердак, сарай, на межу между огородами, где была густая трава, даже в ближний лес, лишь бы меня не трогали и не мешали читать. Я читала так много, что отец стал опасаться за мой рассудок. Книги раскрывали передо мной мир, будили множество чувств, стремлений и помогали в трудные минуты. В 7-м классе я прочитала «Сагу о Форсайтах» и «Войну и мир». Я читала всё, что попадало в руки. Это были хорошие книги, потому что давал мне их отец, который их всю жизнь собирал и берёг. Это было наше главное богатство. Мне кажется, что книги воспитали меня и помогли мне стать тем, что я есть. Они и сейчас наполняют мой дом, и я сама пишу по велению сердца. Читать надо обязательно. Тот, кто не читает, обделяет себя. Ни кино, ни театр, ни телевизор не могут заменить книгу. Она наедине с тобой, а ты – с ней.

Вера Гордасевич

Человек не может жить без воды, без еды. Книга – это та же пища, только для ду-

ши. Книга помогает понять, что нам нравится, а что нет, т. е. определяет наш жизненный и литературный вкусы. Здесь мы знакомимся с мыслями людей, отображенными во времени, слово вечно! Книга – это богатство! Чем больше мы читаем, тем имеем больший доступ к мировым ценностям – знания как волшебные ключи открывают любые двери в мир! Это уровень нашей культуры, мировоззрения, наш прогресс. Наконец, это наслаждение, которое мы получаем, окунаясь с головой в то, что любим, что нас волнует и наполняет новыми, неизведанными ощущениями, влечет, растворяя в себе!

Ольга Фокина

Человек, который читает качественную литературу, – отличный собеседник, грамотный специалист и успешная личность.

Марина Ламбертц-Симонова

Во время чтения, в отличие от фильмов, мы полностью погружаемся в повествование, мы оказываемся один на один с его героями, а наши сопереживания дают нам массу импульсов для собственных мыслей и действий, и даже важных идей и открытий. За чтением хороших книг мы открываем и самих себя: и для себя, и для друзей. Это и прекрасная тема для разговора в дружеской компании, в обществе. Мы никогда не будем скучными людьми; книга помогает пережить одиночество и даже найти путь к собственному счастью. Мы учимся на ошибках других людей, о которых мы читаем в книгах и, таким образом, меньше совершаем собственные. Важнейшую информацию мы получаем не в том, переваренном, пережёванном виде, в котором её предлагают фильмы, хотя и фильмы, конечно, тоже нужны, но в них уже группа людей во главе с режиссёром показывает нам героев и их действия под собственным углом зрения. И ещё хорошо, если это талантливая команда.

Книга, кроме того, даёт нам возможность за короткий срок прожить как бы множество жизней её героев, которых мы подсознательно отождествляем с самим собой. Читая, мы как бы делаем «зарядку» для нашего мозга, что держит его в тонусе до глубокой старости. От книги мы можем заразиться… оптимизмом, радостью… Она научит нас легче переживать не только непогоду за окном, но и шторма в… душе. Именно книга может быть тем самым эликсиром, «философским камнем», поиском которого занимались алхимики. «Алхимия слова» – это не только название известной книги, это суть того, что заставляет писателей браться за волшебное перо, а читателей поглощать волшебные строки. Бесценно и чтение книг вслух в семейном или дружеском кругу, которое объединяет и скрепляет союзы, даёт взаимопонимание и приносит мир в любые отношения.

А вот мнения о том, какие книги нужны современному читателю.

Вера Гордасевич

Современная книга должна отражать настоящее, но с привязкой к прошлому. Без прошлого нет будущего! Она должна нести свет, не взирая на то что многих притягивает тьма. Она не должна быть пессимистичной, аморальной, не должна быть пособием для совершения преступлений, иначе в результате мы получим такое же будущее поколение. Книга не одежда, она для души. Слово должно влиять на поколение, а не наоборот!

Ольга Фокина

Обществу необходимо напоминать о добре, о том невидимом ростке, который внутри нас, и, взрастив который, мы расцветём как прекрасные цветы, подарим друг другу любовь, тепло и счастье. Необходимы книги, которые напомнят нам о том, что мы – люди, и должны ими оставаться всегда.

Татьяна Попова

Думаю, современному читателю нужны книги добрые и мудрые. Добрые, потому что слишком много зла и агрессии в на-

шем мире. Мудрые – потому что книги, как ничто в этом мире, могут помочь научиться думать. А еще мне кажется – книги обязательно должны быть интересными. Да-да, я согласна с Вольтером: книги не должны быть скучными.

Ирина Яворовская

Современному читателю нужны самые разные книги. Но главное, чтобы они «цепляли», т. е. будили интерес к миру вокруг и становились просто необходимыми. Когда-то говорили: книга – лучший подарок. Я считаю, что так оно и есть. Богатства, которые даёт книга, вечны и не подлежат тлению. Книга должна умно и тонко будить в человеке лучшие чувства, заставлять его думать и действовать, учить его и развивать. Без книги человек бездуховен и похож на сироту или сытого обывателя, которому всё безразлично. Скажу одно: Виват, книга! Хорошая книга! И пусть это будет всегда...

Максим Сафиулин

Чтение книг для современного поколения – дело важное и нужное. Особенно для молодёжи, которая погрязла в мире гаджетов и интернета, разучившись размышлять, воображать, фантазировать. Чтение расширяет кругозор, обогащает внутренний мир, существенно увеличивает лексикон и даёт возможность наиболее ярко и интересно жить.

Мы перестали удивляться. Для нас информация доступна в любое время, в любом месте и в любом количестве. Поэтому мы к ней относимся без уважения, без жажды познания и желания прозрения. Чтение развивает в нас внутреннюю культуру, воспитывает как личность, пробуждает тягу к прекрасному, необычному, новому, а также учит, направляет, помогает это прекрасное, необычное, новое применять в повседневной жизни. Человек, читающий книги, находясь в коллективе, будет интересен окружающим, а проводя время в одиночестве, ему никогда не будет скучно. Ему есть о чём подумать, поразмышлять, порассуждать... Ему есть что сказать этому миру.

Поэтому книги для современного общества – вещь крайне необходимая. Вопрос только в том, что читать и в каком формате. Кому-то удобнее читать электронные книги – там ты можешь выбрать размер шрифта, фон и сделать чтение удобным конкретно для себя. В небольшом электронном устройстве можно вместить огромную библиотеку из сотен тысяч книг. В один клик можно скачать полное собрание сочинений и также легко его удалить, освободив место для более необходимого издания. Но уважение к этой «библиотеке в кармане» у читателя отсутствует. И отсутствует желание читать и перечитывать. Прочитал – забыл. Нашёл – потерял. Взял новое – выбросил старое.

Более ленивые (или занятые) слушают аудиокниги. Казалось бы, удобная вещь, но возвращаться к наиболее интересным местам (которые в бумажных изданиях помечены простым или цветным карандашом) нет никакого желания. Прослушал книгу внимательно – запомнил часть, невнимательно – запомнил только название. Поэтому необходимо пробуждать у современного поколения уважение к книге, тогда, возможно, появится желание читать.

И абсолютно не важны название книги, количество страниц, автор, жанр... Важно, чтобы книга очищала и учила добру, побуждала к действию сделать этот мир лучше, затягивала сюжетом, с которым хотелось бы поделиться, заставляла думать, рассуждать, подогревала интерес – а что дальше? Тогда читатель, прочитав книгу и испытав лёгкую грусть, что история закончилась, будет вновь и вновь погружаться в чтение в надежде и желании найти что-то новое, полезное и интересное. И будет вновь и вновь удивляться, отправляясь в новое приключение, как он раньше жил без всего этого. Главное, чтобы книга была интересная. А сделать её таковой сможет только автор – человек, который старается для читателя и искренне верит, что его труд не напрасен.

ТАТЬЯНА КАЙЗЕР: «ФРАНЦИСКАНЕРГАССЕ 1, ИЛИ ЧЕГО МОГЛО НЕ БЫТЬ...»

Прекрасная книга писателя Татьяны Кайзер «Францисканергассе, 1 или чего могло не быть...», написана великолепным языком человека, знающего толк в искусстве и культуре. Книга рассказывает о жизни средневекового германского скульптора Тильмана Рименшнейдера. Его неповторимый стиль, окрашенный грустной мечтательностью и лишенный экзальтации, стал особенным и узнаваемым в немецком искусстве. Работы этого Мастера – переход от поздней готики к эпохе Возрождения.

Повествование в книге ведётся от лица молодого человека, начинающего скульптора и нашего современника, кумиром которого стал Мастер Рименшнейдер. Размышления о современном искусстве и искусстве той эпохи заставляют рассказчика поехать в путешествие, в город Вюрцбург, где когда-то жил и творил Мастер. Вдохновлённый видениями из прошлого, рассказчик совершает ряд экскурсий по Франконии, по Музеям и храмам, где бессмертные работы Мастера вошли в культурное наследие и стали достоянием современной Германии.

Эта книга условно разделяется на две части, одна из которых представляет собой подобие путеводителя по Музеям и Храмам, где собраны работы великого скульптора, а вторая её часть – жизнь Мастера через его произведения искусства. В книге представлены в том числе иллюстрации с его работами. Только в Майнфранконском музее собраны восемь десятков работ из дерева и камня Тильмана Рименшнейдера – скульптуры Богоматери, Спасителя, святых и Мадонны. А в городе Ротенбург-над-Таубером находится прекраснейший Алтарь Святой Крови. Городок Детванг радует в свою очередь не менее красивым Алтарем Распятия. Затем Креглинген – там, в храме Тела Христова, Алтарь Марии божественен до умопомрачения. И Бамберг – город, где императорская усыпальница Генриха II и его жены очаровывает с первого взгляда.

Под наплывом впечатлений читатель переносится в ту эпоху, когда жил и творил Мастер, наблюдает его глазами за происходящим. Книга описывает жизнь Тильмана Рименшнейдера, его семью, друзей и современников в историческом контексте. Тильман Рименшнейдер приезжает в город Вюрцбург совсем юным и вступает в Гильдию живописцев, скульпторов и стекольных дел мастеров. Он женится, чтобы получить статус гражданина города, на женщине по имени Анна Шмидт. Она его старше, у нее трое детей, и она богата. Выгодная сделка, привилегии города и большой дом на Францисканергассе, где Тильман открывает собственную мастерскую. Оттуда всё и началось, позже он станет известным скульптором, почетным горожанином, воспитает достойных учеников-мастеровых.

Но случается так, что вскоре жена Тильмана умирает, и через некоторое время он вступает в новый брак, на этот раз с девицей Анной Раппольт, которую он встречает через два года на одной из воскресных служб в Мариенкапелле. Она почти на 20 лет его моложе, богата и в свою очередь приносит мужу ещё одну мастерскую и виноградники, при этом удвоив его состояние. Но, подарив ему четверых детей, она угасает также быстро, как и первая Анна.

В возрасте 48-ми лет Тильман женится на Маргарет Вюрцбах, которую, впрочем, постигает та же участь медленного угасания. Четвёртая жена Мастера – Маргарета Турнер – остается с супругом до самой его смерти.

Что же за рок преследует известного скульптора? Почему все его женщины так быстро уходят из этой жизни, отдавая себя и свою красоту мужу-гению, прожившему достойную и интересную жизнь? В этой книге можно увидеть в чём разгадка. Он воплощал их образы в своих работах. Во всех скульптурах прослеживаются очертания любящих его женщин, которых он ласкал руками гения и боготворил. Увековечивая своих жён в шедеврах, Рименшнейдер старался показать миру красоту и совершенство женского тела. Мадонна с лицом Анны была так трогательна и прекрасна, вызывала такой душевный трепет, что Тильман сам влюбился в свой рукотворный образ. Причем он всякий раз грустил, когда думал о том, что, когда Мадонна будет завершена, ему придется с ней расстаться. Эта скульптура так много говорила его сердцу и так влекла к себе, что, погрузившись в волшебные грёзы, он забывал о жене и детях. Когда же Рименшнейдер получил заказ на изготовление Адама и Евы для южного портала капеллы Марии, то тело Евы было в точности, как у первой жены Анны, а вот Адама он сделал обликом со старшего сына, но с собственной фигурой. Эти скульптуры, увековеченные в камне, сделали его Великим Мастером.

Муниципалитет города Мюннерштадт заказал Рименшнейдеру запрестольный образ Марии Магдалены для храмового Алтаря. Эта работа стала его первым опытом по изображению обнаженной фигурой женщины, прикрытой только лишь завитками волос. В ней художник опять же воплотил красоту своей прекрасной жены. А вот после Рименшнейдер приступил уже к новому заказу, и то была Гробница императора Генриха II и императрицы Кунигунды, затем Алтарь Святой Крови для церкви Святого Якова в Ротенбурге.

В книге рассказывается и о современниках Рименшнейдера: известном художнике Файте Штоссе, авторе Краковского Алтаря Девы Марии, и Альбрехте Дюрере, выдающемся немецком художнике-гравировщике, который первым изображает обнажённых персонажей. Рименшнейдер имеет с ними две незабываемые

встречи, которые находят отражение в его творчестве. Особенная и отличительная черта стиля всех скульптур Рименшнейдера в том, что он отказывается от окраски скульптур. Однако Файт Штосс через 10 лет по поручению города собирается раскрашивать Алтарь Святой Магдалены, сработанный когда-то Рименшнейдером, для чего является к Мастеру в гости. Как много дала им эта встреча.

Альбрехт Дюрер привозит, если можно так выразиться, из Италии новое направление для художественных работ, где отчетливо прорисовывается движение вместо готических застывших фигур. Подарив Рименшнейдеру одну из своих иллюстрированных книг, тем самым он меняет и его направление в работе. Отныне в скульптурах Мастера проявляются движение и своеобразная живость.

И все же как безжалостна история к творцам, особенно, когда возникают бунты, и к власти приходят мятежники. В Германии начинается Крестьянское восстание. Протестанты и католики сталкиваются лбами, а Рименшнейдер становится одним из руководителей горожан, восставших против епископа, и это несмотря на то, что сам он является глубоко религиозным католиком. После разгрома восстания он оказывается в темнице. И только вера в Бога, безграничная любовь к Богородице спасают ему жизнь. В сырой темнице, будучи уже не молодым, он стойко переносит пытки. Он молится Деве Марии, для которой сделал так много Алтарей, и верит, что Пресвятая услышит его и спасет.

Рименшнейдер провел в застенках два месяца, а когда вернулся, то почти все Храмы к тому времени оказались разрушены, скульптуры разбиты. Разоренный город являл собой жалкое зрелище. И тогда великий Мастер заплакал. Именно в тот момент он осознал, что потерял ту любовь, что вдыхал в свои скульптуры, оживляя их, ту, которой питала его Пресвятая Дева Мария. Умирая, Мастер думал о реинкарнации – вернуться, чтобы снова творить и любить.

В заключение скажу, книга «Францисканергассе, 1 или чего могло не быть...» – высококультурное произведение, подаренное писателем Татьяной Кайзер всем нам – особенно тем, кто интересуется немецким искусством и деревянной скульптурой. Однако она будет интересна и тем, кто любит историю с её загадками.

Тильман Рименшнейдер – Мастер от Бога, создавший Алтари Девы Марии и Спасителя, безусловно, всегда находившийся под покровительством Высших Сил.

Антье Зонних, член МГП

ТАТЬЯНА КАЙЗЕР
ОТ АСТРОНОМИИ ДО ЛИТЕРАТУРЫ

Лада Баумгартен: Татьяна, начнем с той самой южной республики, где вы родились, как вы пишите в своей биографии «...в эпоху ожидания победы коммунизма». Так откуда же вы родом? И откуда ваши корни? Если не ошибаюсь, та самая южная республика – не земля ваших предков...

Татьяна Кайзер: Я родилась в Ашхабаде. За три года до начала войны судьба привела мою маму в это место, почти равноудаленное от ее родного Поволжья (национальной автономии поволжских немцев) и от поселений в Сибири, куда потом депортировали всех родных.

И для меня определенная родина также оказалась посередине между немецкой Швабией, откуда некогда одни предки переселились в Россию, и Дальним Востоком – родиной других моих азиатских предков.

Мой родной Ашхабад того времени – яркая мозаика из азиатской и европейской культур. Многонациональная среда: туркмены, персы, армяне, татары, узбеки, украинцы, поляки, евреи, русские. Смешение языков, почти как в библейском Вавилоне, но признанным языком общения выделялся русский язык, на котором худо-бедно разговаривали почти все. Колоритные обычаи, уклад легко заимствовались друг у друга через общение, кулинарию, народные промыслы, создавая неповторимый конгломерат содружества, этакое мульти-культи. И предположить не могли, что случится в перестроечные времена национального самоопределения русскому языку уступить все свои позиции, а потом остаться только пасынком – языком общения иссякаемой этнической группы.

Лада Баумгартен: И вот вы выросли и стали астрономогеодезистом – что же это за «зверь» такой?

Татьяна Кайзер: После школы я ко всеобщему удивлению поступила на физфак туркменского университета, отдав предпочтение физике, а не лирике, несмотря на безмерные влечение и преданность к литературе. Это позже открылось: человек только полагает, но располагает-то не он. А на ту пору и не подозревала, что путь, скажем, в журналистику или к общественным наукам – ко всем, кроме технических специальностей, был законодательно закрыт для отпрысков депортированных национальностей на всех просторах нашего советского государства.

Уже к третьей сессии стало понятно, что не пришлась ко двору. Это сейчас все пазлы складываются в конкретную картину, а тогда, казалось – бросает в крайности. Манили геонауки, астрономия, океанология. И определено мне было стать астрономогеодезистом, который изучает фигуру, размеры гравитационного поля Земли, создавая сеть астрономо-геодезических пунктов для топографической съемки. Пару десятков лет проработала в институте физики Земли и атмосферы, ставшим потом институтом сейсмологии.

Лада Баумгартен: Опять же обращусь к вашим словам: «С юности освобождение от пут атеизма дало свободу для духа и его развития». А можно здесь поподробнее, как освобождались и во что в результате все это вылилось?

Татьяна Кайзер: В нашем атеистическом советском государстве в массе мы были надежно защищены от раздумий о божественном мироздании. Свод библейских заповедей удачно подменили Кодексом строителя коммунизма, правда, включившим в коммунистическую идеологию кое-что из религиозных элементов..

Вообще, мысли о религии даже в голову не приходили, информация о духовных исканиях, поисках смысла жизни из прочитанной классики, фильмов еще не находила подобия в непробудившейся душе, со школы укутанной лозунгами атеизма. Потому она не будоражила вопросами, не толкала к постижению божественного миропорядка. До поры до времени и Библия оставалась недосягаемой. Единственным источником информации о религии долго служил «Карманный справочник атеиста», по иронии, замечательный путеводитель по религиоведению.

В пору моего самого первого жизненного испытания, когда вдруг реальность оказалась чудовищно далека от впитанного разумного, доброго, светлого и надежного, довелось мне уехать за тридевять земель от дома в Литву. И там, впервые попав в костел, вдруг ощутила, словно из затылка пробка какая-то вылетела, внутри что-то затрепетало и изменило дыхание. Никаких молитв не знала. Но вдруг вырвалось молитвенное обращение: «Господи!» Думаю, тогда и началось расширение сознания, освобождение от пут атеизма – процесс, открывший свободу для

духа и его развития, для восприятия высших ценностей. А потом и новое время дало возможности к постижению духовного опыта. Был великий риск не захлебнуться в потоке хлынувших эзотерических учений, разнообразных религиозных культов, экстрасенсорных методик. Какой-то внутренний навигатор удерживал от заманчивых крайностей. Пробудилась ВЕРА, до определенного срока сокрытая в глубинах души.

Лада Баумгартен: С научной школой «Теории Причинности» вы где впервые познакомились? Чем она вас заинтересовала, и кто стал вашим наставником и Учителем?

Татьяна Кайзер: Вижу промысел в том, что искания привели меня в школу изучения теории Причинности. Ветры перемен многих тогда оторвали от обычных привычных теорий, умопостроений, увлекли открывшимися вдруг головокружительными эзотерическими знаниями. Школа Причинности зародилась в начале 90-х на основе лекций В.П. Гоча, прочитанных в Севастополе, Сочи, Москве и собранных потом в книгу «Причина и Карма» (кстати, впервые изданную в Ашхабаде), где раскрывался механизм причинно-следственных связей, их влияние на здоровье и судьбу человека. Новые знания заинтересовали возможностью увидеть этот механизм, понять зависимость самочувствия от энергетических процессов, происходящих в системе «Человек–Вселенная», изучить методику самооздоровления, разобраться в первую очередь с собственными проблемами. Благодарна судьбе за всех встреченных на этом пути наставников: Михаила Вершинина, Джамилю Худодатову, Галину Олейник, Андрея Микерова. Знакомство с методикой работы в Причине Василия Павловича Гоча наполнило мою жизнь совершенно новым содержанием. На семинарах В. П. Гоча в Брюсселе, Берлине, Крыму, Таллине, Висбадене познакомилась с представителями многих центров Школы, где проводятся разнообразные семинары: по изучению Метода Гоча® работы в Причине, по причинной психологии, педагогике творчества, изучению Рунного Языка и др. В Школе ведется и научно-исследовательская работа в различных областях знания, разрабатываются новые технологии, о чем потом докладывается на ежегодных Международных научно-практических конференциях, публикуются в сборниках трудов Школы, представляются на Международных выставках. Школа Причинности осуществляет проявление и становление Со-Знания и Со-Бытия на основе Методологии Со-Творчества. Она объединила людей стремлением к Со-Творчеству и осознанием себя на Пути в нашем удивительном Мире.

Лада Баумгартен: Вы ведь и в Германии продолжаете работать в данном направлении. Кто сегодня уже ваши последователи?

Татьяна Кайзер: Нашему клубу духовного общения уже 17-й год. К десятилетнему юбилею подводила статистику: прошло через клуб свыше двух сотен человек. Здесь встречаются те, кому интересны вопросы духовного развития, новые технологии здоровья. Некоторые люди ходят годами, другие лишь определенный период в их жизни, когда ищут поддрежку и подсказку…

Кто мои последователи? Те, кто стремятся к осознанию себя в своих духовных исканиях, кому не безразличны вопросы духовного совершенствования. Они ищут понимания причин происходящих процессов в своей жизни, в социуме, их привлекает сам Метод работы в Причине. Темы наших встреч – Путь, познание, Духовность и Душевность, Время, Вера, вопросы религии, сознания, психология взаимоотношений с окружающим миром, род, семья, методики оздоровления.

Как принимают? С непременным желанием раскрыть для себя суть темы. Бывает, что-то не сразу принимается на веру, кто-то берет паузу для обдумывания. Возникшие несогласия стараются аргументировать. В обстановке взаимного доверия и интереса друг к другу критики как таковой не случается, потому что все собравшиеся, как правило, не случайны, а подобраны по сути – интересу к духовным и эзотерическим знаниям, единомышленники. Впрочем, бывали и случайные люди, стремящиеся внести сумятицу, посеять недоверие или продемонстрировать свою значимость, подпитать свою гордыню, словоблудием потешить тщеславие за счет времени других. Однако реакция аудитории оставляла им мало шанса на повторный приход.

Лада Баумгартен: Есть мнение, и оно муссируется в интернете, что «Школа Причинности» Василия Гоча – это секта. А опасность секты заключена в том, что идет активная агитация в школах женщинами-адептами, которые являются учителями. Там много еще всякого понамешано для аргументации, и у человека, немного хотя бы разбирающегося в теме, подобное вызывает улыбку. И все-таки – ваше слово, слово специалиста.

Татьяна Кайзер: Скорее, было бы удивительно, если бы в сети не нашлась информация «анти-Гоч». Тогда бы Школа осталась незамеченной. Ведь равнодушие многие начинания и намерения обрекло на забвение. А так любому мало-мальски интересному начинанию, новой ли научной парадигме, новому открытию, непременно находится ком грязи в огород. Кто не знает, что лай, сопровождающий караван, подтверждает существование и продвижение последнего.

Хорошо бы различать – кто, не владея сутью, сеет сорняки и сомнения. Само слово секта – термин для обозначения религиозной группы, обществ, ставший клеймом. Воспитанная «совковая» категоричность. Нам не по душе – чего вникать, проще заклеймить, не утруждаясь объяснениями. Тут само слово работает – несет достаточно негатива. Этот метод – стар

как мир. В забвении заповедь «не возводи напраслины на ближнего». Клевета во все века – удел завистливых, интриганов. За ней может прятаться все: и конкретный заказ, клеймящий «псевдонауку», подстегнувший нереализованное самолюбие, тщеславие и ревнивая злобная работа теней в людях, уже приникших к роднику знаний, начавших пить едва ли не взахлеб, но поспешивших. А жизнь делает проверку набранным знаниям. И оказывается, что уроки-то не усвоены, т. е. практически не применяются, знания грузят. В таком дискомфорте легко впасть в раздражение, зависть, обиду, поиск ошибок у других. Тем же, кто ищет информацию на подобных сайтах, советую обратить внимание на неблагозвучные слова, которыми она подается: злые, желчные, вне культуры речи – такие всегда далеки от истины. А в общем, все по подобию: каждый встречает те объяснения, которые ему понятны.

Лада Баумгартен: Скажите, Василий Гоч – он кто?

Татьяна Кайзер: Лучше всего сам Василий Павлович Гоч отвечает, называя себя Путником на Дороге Мудрости.

Лада Баумгартен: Многие, кто читали его книги, прослеживают в них идею Высшего Творчества (Со-Творчества). Это уже близко к нам – творцам-литераторам. Что же такое Со-Творчество по Гочу?

Татьяна Кайзер: Известно, что творчество – помимо деятельности, создающей новые материальные и духовные ценности, еще и способность человека созидать новую реальность. Это еще и сакральный, свободный путь преображения человека, преображение его творческой Силы. Со-Творчество – самодетерминация самотрансценденции в Тотальности. Главный движитель Мироздания (В. П. Гоч, В. Л. Кулиниченко «Максимы Тотальности»). Т.е. Со-Творчество – способность самостоятельного выбора направления саморазвития для преображения через тождественность Творцу и Творению. Полагаю, каждый литератор стремится к обретению связи личностного начала с окружающей нас природой и вселенским началом. Объектом и субъектом Творчества является сознание, которое им же и в нем расширяется, охватывает все более тонкие планы Бытия, познавая и организуя их. Суть Силы Творчества – Сретение, осуществление встречи Божественной Любви и Воли в Человеке. К Сретению надлежит готовиться всю жизнь и помнить, что качество этой встречи зависит от того, как проживем россыпь малых предварительных встреч. Жить в радости и в согласии с Природой, с самим собой. Раскрытие бытия человека как Поля Тайны перед Богом – залог талантов, успеха.

Лада Баумгартен: Татьяна, а какие основные темы вашего творчества? О чем пишите вы? Кто ваши главные персонажи?

Татьяна Кайзер: Основная тема, пожалуй, – это социальная философия, исследующая структуру и пространство внутреннего мира человека. Здесь и религиозная лирика, и философские сказки, притчи, рубайят.

Жизнь дарит такое многообразие встреч, чтобы мы, познавая других, лучше исследовали собственный микрокосм. И мои главные персонажи – будь то в новелле или рубаи – те, кто приходят с вопросами в попытках понять себя, с желанием расчистить свои внутренние пещеры, дать душе пространство, полнее, лучше узнать окружающий мир. Благодаря им продолжается тема «Чувства и эмоции», начавшаяся с новеллы «Карнавал» и обрастающая иллюстрациями новых чувств и эмоций, переплетающимися с личностными ценностями и представлениями о жизни. И совсем свежая работа – повесть, собранная из дневниковых записей, но объединенная местом, средневековым временем и героями немецкого Ренессанса.

С появлением внука открылась новая область исследований. Захватила в плен детская литература. Стихи, сказки, рассказы. Писать для детей с их пытливым, доверчивым умом намного труднее. Это учит ответственности за используемые слова, за чистоту собственного восприятия представляемого им мира, учит обуздывать и греховное, проклевывающееся в нас, способное ввести их через наши сарказм, иронию в соблазн критики, сомнений, недоверия, отчуждения.

Лада Баумгартен: На ваш взгляд, какими качествами должен обладать писатель?

Татьяна Кайзер: Всенепременным должны быть любовь к словесности и, конечно, понимание сути слова. Писатель должен быть интересен своим мировоззрением, миропониманием. Потому как только интерес направляет к исследованию жизни, на поиски причинно-следственных связей. А если писатель еще отчасти психолог и философ, то привлекателен умением раскрывать перед читателем саму сущность человека и все нюансы его взаимоотношений. А главная задача, пожалуй, проявлять в мир свет души!

Лада Баумгартен: Скажите, чем и как живут берлинские писатели?

Татьяна Кайзер: В Берлине много писательских союзов, кружков, объединений русскоязычных, русско-немецких литераторов. Чем живут? Сказала бы – надеждами быть прочитанными, услышанными... Здесь в эмиграции многие открыли в себе писательское дарование. Быт не съедает время, отпущенное для научения души. Нет цензуры, свободомыслие. Много профессиональных литераторов, но еще больше таких, которым просто захотелось поделиться своими историями, скорее, своим видением жизни, освободиться от переполняющего душу эмоционального багажа. Это своего рода терапия для воспринимающих болезненно эмиграцию. Есть обширный сонм критиков, зачастую некомпетентных, эмоцио-

нально нетолерантных наследников «совковой» ментальности. Многие писательские группы похожи критиканским отношением к творчеству своих коллег, грешат общим неуважением, перемешанным с тщеславием, раздражением, подспудным чувством обделенности, завистью. И практически мало редакторов, которые бы просто на корню останавливали безынтересные, достаточно малограмотные опусы, уверовавших в свое писательство, но не дающих себе труда попробовать (хотя бы чужими руками) исправить ошибки.

Для всех – впечатляющая свобода принимать участие во всевозможных русскоязычных конкурсах и фестивалях Германии, ряда европейских стран, Израиля, Америки, России с ее близким и дальним зарубежьем. И это немалое испытание для тщеславия. Я благодарна судьбе, которая сводит с интересными творческими личностями.

Лада Баумгартен: И почему вы выбрали именно МГП?

Татьяна Кайзер: Почему выбрала МГП?.. Просто следую интуиции. Неслучайно пришла информация об одном книжном проекте для детей. Мои работы приняли. Получившаяся книга впечатлила. Понравились авторы. И знакомство с редакторами, организаторами проектов, других сборников – Ладой Баумгартен и Еленой Яхненко переросло в многолетнее сотрудничество.

Интуиция не подвела: литературная среда оказалась близкой по духу, нашлись единомышленники. Столько новых замечательных людей вошло в мою жизнь, обогатив своим опытом, видением и восприятием жизни, дружбой. Прежде случалось (лечилось тщеславие) соседствовать под одной обложкой с такими работами, которые никак бы не смогла предложить для прочтения своим друзьям. Теперь же с удовольствием знакомлю многочисленных друзей и знакомых по СНГ, Европе, Америке с электронными вариантами сборников нашей гильдии.

Лада Баумгартен: Ваши планы на будущее?

Татьяна Кайзер: Писать. Рассказывать. Растет внук. Многое из светлого-доброго уже как прежде просто не впитывает, отмахивается, заслоняемое информационным мусором, вкладываемым нынешней школой, вполне толерантной ко всякому бреду, Пестуемое невежество духовное сулит заметное сужение внутреннего мира и мешает развитию лучших качеств. Вот и еще одна задача на будущее – литература для подростков. Делиться с ними своим светлым восприятием жизни, радостью пребывания в любви и согласии, гармонии с самим собой и окружающим миром.

ПОЭТИЧЕСКИЙ САЛОН

Владимир Райберг
ПРИСТАНИЩЕ

Я сам для себя – табу,
Я сам по себе – поэт.
Входите в мою избу,
Где сладко мурлычет свет.
«Имеющий уши, да
услышит» под скрипы дверц:
Поёт острие гвоздя
Мотив годовых колец.
Здесь сам по себе огонь,
И слов не дано словам,
Пока не пригубит конь
В воде отражённый храм.
И трудно постичь, что вдруг
В воде отраженья нет,
Что собран озёрный круг,
Как стянут тесьмой кисет.
Никчёмный удел решать
О праве на первый взлёт,
Когда тяжела душа
Из мрака поднимет плоть.
Кружась в кипятке крутом,
Снуёт Облепихи горсть,
И мне невдомёк о том,
Что я в этом мире гость
Причислен к вещам судьбой –
Забывший башмак шнурок.
Кто нынче из нас изгой,
Кто завтра из нас – пророк?
Добреет осенний куль,
Обрёл листопад ночлег,
А яблоко сквозь июль
Упало на первый снег.
И я вслед за ним в снега,
В песцовую эту спесь,
Где буду ничком слагать
Грошовый обман «Аз есмь».

Максим Сафиулин
Я НЕ БОЮСЬ ПУСТОГО ЗАЛА

Я не боюсь пустого зала.
Когда вдруг выйду в тишине,
Чтоб только ты не заскучала –
Одна, пришедшая ко мне.
Погасят свет. И в полумраке,
Как тень, что горбится слегка,
Я выйду тихо в чёрном фраке
И пыль смахну с воротника.
Начну читать – внутри тревога.
Прошу я у Судьбы самой:
«Не уходи, побудь немного,
Мой зритель и читатель мой!
Тебе одной весь вечер этот
И каждый звук, и каждый слог.
Готов читать хоть до рассвета,
Лишь в зале я б увидеть мог
Твоё лицо, улыбку, губы,
Твой взгляд, смог слышать сердца стук.
Ах, как мне дороги и любы
Тепло дыхания и рук…»
Я не боюсь пустого зала,
И что погасли фонари.
Я не боюсь, что света мало –
Боюсь сердец пустых внутри.

Марина Карио
ДЫХАНИЕ

Тебя называю на Вы, а хочется просто по имени,
летящим павлином, неокаймлённой строкой…
Песнь шутовскую возничий глухой со щетиною
простёр чёрным веером над тягучей рекой…
И вьётся строка в ароматах свеч молчаливых,
названием «Эрос» отравлена присная мука.
Я вижу восход и рассвет в переливах,
и как паука гладит нищего кровная скука…
Нет Смерти! – Язык огнистый из плена!
Отсватай от тьмы, как вино от вены японца!..
Как жаль, я не шла за звездой Вифлеема,
но жду осияния восходящего солнца!

Валентина Бендерская

ПЕРСТЕНЬ С ЧЁРНЫМ ГРАНАТОМ

…Чтоб жалась могила к могиле,
И вновь мы сливались во мгле!
Л. Колганов

Ты перстень с чёрным гранатом
надел мне на палец зимой,
когда мороз призрачным сватом
на нас сыпал снежной крупой,

и ветер стелил рушниками
позёмку под «Свадебный марш»
у замка стоящей веками
горы, словно ворот апаш.

Нам скатертью стлались дороги,
а снились ухабы и рвы,
стихи обрывались на слоге,
горели дворцы синевы,

Морана* бренчала метелью
по струнам остывшей земли –
готовую стать колыбелью,
чтоб вместе в неё мы легли,

и жалась могила к могиле
в кромешной безвылазной тьме.
Противилась я этой силе
и вечной могильной тюрьме.

Противилась смерти и тлену,
и вязкой рутине болот,
стирала засохшую пену
обрыдлых насущных хлопот!

Рождались стихи, как метели,
и мчались в трагический май,
где в буйстве черёмух и трелей
замолкли на слове: «Прощай…»,

взорвавшись как бешеный атом,
затихли как омут реки…
Но перстень твой с чёрным гранатом
с тех пор не снимаю с руки.

* Морана (чеш.) – мифологический персонаж, связанный с сезонными обрядами умирания и воскресения природы.

Анна Сагармат

Я ДОЖДАЛАСЬ ТЕБЯ…

Тихий шёпот наших губ,
Легких рук прикосновенье…
Я ждала тебя, мой друг,
Это чудное мгновенье.
Ты молчи, не говори,
В каждом жесте море слов,
Лишь объятьем одари,
Сердце тает от оков…
И года холодной стужи
Миновали для меня.
Без тебя был мир не нужен,
Дождалась любви и я.

Александр Козлов

БРЕВНО

Сначала всё казалось как игра
Топорный стук и конные погоны
И замирали от корней до кроны
Стволы мечтая тоже лечь в нагоны
И получить на тело номера

Уже во власти вздувшейся реки
На новый мир смотрю задравши брови
Теснюсь в тугой толпе таких же брёвен
Под нос себе бодрящее буровя
Но право мы ведь все не дураки

В меандрах скалы острые ножи
Я с кожи снят ободран и огложен
Отчаянный как лезвие без ножен
Сверкаю в бурунах нагой занозой
Уже без страха рвусь на виражи

Болезненно пульсирует висок
Горит клеймо на лбу у сердцевины
Побитое быками на стремнине
И лучший друг давно в заломе сгинул
Закопанный в излучине в песок

А мы летим на кость содрав мослы
Молниеносно смело громогласно
Течению корыта не подвластны
Ведомые неведомою страстью
Всё время вниз как Божие послы

ПОЭТИЧЕСКИЙ САЛОН

Алла Польская

В НАШЕМ ПРОСТРАНСТВЕ

Меня нету в пространстве твоём,
Но зато я всегда где-то близко.
Иногда вместе рано встаём,
А порою и поздно ложимся.

Иногда мысли наши кружат,
Одинаково души волнуя,
И в пространстве безумно спешат
Передать лёгкий жар поцелуя.

Юлия Ольшевская

В ГЛУБОКОМ ОБМОРОКЕ ТЕНИ...

В глубоком обмороке тени,
И вечный Царский сад – во мгле...
Я опускаюсь на колени –
Лишь гость на небе и земле.

Восходит радостное эхо,
Но прошлого не превозмочь!
Крошится скорлупой ореха
Почти Рождественская ночь.

Всё к этой высоте взывает,
Где так слова теперь ясны,
И вся судьба – снежинкой тает
На грани солнца и луны.

*
Лишь миг – и снова день потерян:
Пути в тумане бороздя,
Где Ночь-Кижи – старинный терем,
Что без единого гвоздя
Построен был –
Стремимся снова...

Стремимся снова...
Как могли бы
Слова, что сказаны до нас,
Мы повторить?
Нырок Царь-Рыбы,
Удар хвоста плывущей Рыбы –
Предутренний волшебный час...

Нани Сариду

ЗВЕЗДА

Я мечтал о звезде,
На ладонь опустилась снежинка
И стекла по руке,
Оставляя уныние и дрожь –

Грош цена ей тепло,
Объявив себя
Сведущим Джином,
Заберёт, не отдав
Никому Никогда Ничего.

Я в зеркальных мирах
Затерялся охотником Музы,
Заразился Болезнью,
Признание Поэта ища.

Звездопада дождавшись,
Богемной Особы, в кураже,
Был готов преломить
Чей-то свет сквозь себя.
Я мечтал о Звезде...

Ольга Фокина

**НЕ СТРАШНО. НЕ БОЛЬНО.
НЕ ХОЛОДНО**

Без тебя у меня удушье,
Ничего не могу предпринять.
Чем бродить по земле, мне лучше
Поскорее тебя обнять;
Рассказать, как несладко быть взрослой,
Отыскать рафинад за душой.
Ты мне ангелом, милый, послан;
Я спокойна всегда с тобой.
Мне не страшно, не больно, не холодно
В пледе тёплом любви твоей.
Лишь бы не было, милый, хлопотно;
Только было б тебе светлей.
Не любовь, нечто выше и большее,
Что не в силах никто разорвать.
В ритме жизни никчёмной хорошее,
Что сумел нам Господь послать.

Александр Козлов
ГРОЗА

Гроза ушла натужно чуть неловко
Вздохнув устало и последний раз
Сверкнул простор дородной оцинковкой
И громыхнул во тьме передней таз

Под грудь сложила руки в синих жилках
Шурша намокшим фартуком о сад
Там пережив опять большую стирку
Бельём деревья мокрые висят

Эвелина Цегельник
НЕБО

Я лежу на песке и смотрю в вышину,
Где должно быть блестящее небо.
Ну а небо, что птица в железном плену,
Покрывалом закрыто нелепо.
Месяц спит молодецким горячечным сном,
Занавешенный тёмною тканью.
Пахнет тёплое сено любовным стихом,
Лопухом, волшебством и желаньем.
Небо… Дотянуться рукой,
Разогнать облака, чтобы звёзды
В небе указали мне путь,
Где таинственный сказочный остров.
Покрывало сползло, обнажилась звезда,
Улетая из вечного мрака.
Приняла её бег голубая вода,
Засияв нежной зеленью злаков.
Я с волненьем к воде наклоняю лицо –
Поглядеть на ночную причуду,
А в воде не звезда – золотое кольцо
С неземным голубым изумрудом.
В воду руки свои не спеша опущу,
Зачерпну звёзд ночных отраженье
И на небо как птиц снова их отпущу:
Пусть сияют там для вдохновенья!
Небо… Дотянуться рукой,
Разогнать облака, чтобы звёзды
В небе указали мне путь,
Где таинственный сказочный остров.

Марина Карио
ПОДСОЛНУХИ

Морочит дождь, глотает небо нищий.
И кажется, Ван Гог в подсолнухах уснул.
И спит его башмак, который день без пищи,
Шнуровкою обнявшись с другим, как Вельзевул,
Губя амброзию заката…
Москитный рой срывает дверь в рассвет
Из горькой готики краями ада,
Которым брёл Винсент в Мулен Галлет.

И уличная женщина – чертовски хороша –
Фатальною поталью золотит сюжет,
В котором так навечно прострелена душа,
Вся прилепившись к раю и доктору Гаше.
Напичкана химерами в карманах,
Таща из детства Северный Брабант –
Из крови одиночества – и верфи Амстердама,
И рыжую любовь в пшенично-рыжем… Бант
Снопов колюче – красный наивит синь
И плачет над…

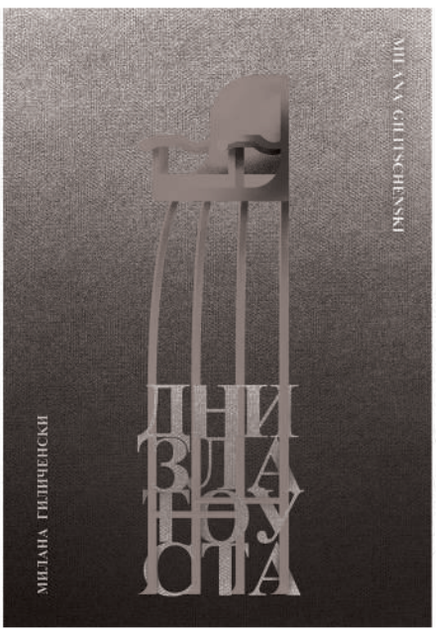
Ирина Яворовская
***

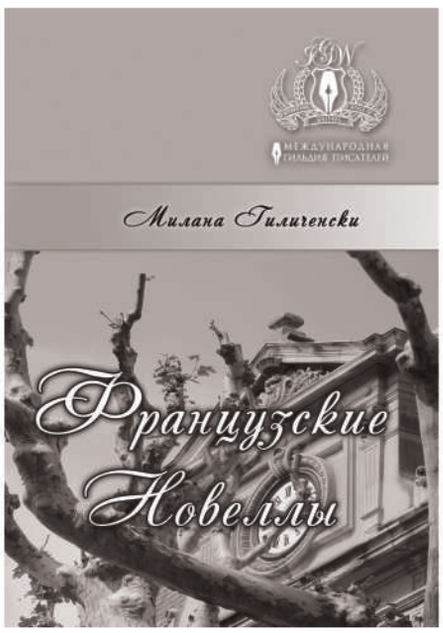
Снится мне мой посёлок далёкий –
берег быстрого детства и грёз,
где растут и берёзы, и ёлки,
и над Нейвою радуги мост.
Я смотрю на красавицу вышку,
над которою ветер гудит,
и на небо, что звёздами вышито
в час, когда всё родимое спит.
На заре узнаю я дорогу,
меж кустов нахожу тропу
и бегу к знакомому стогу,
и ромашек ищу толпу.
Мимо школы иду тихонько,
на церковном дворе стою
и любуюсь шумливой сойкой,
и квасок из бадейки пью.
Ах, святое моё ты чудо –
гавань дум и судьбы отсчёт,
разве я тебя позабуду,
если суть твоя вновь влечёт?

…Снится мне мой посёлок. Снится,
словно я там опять живу,
и родные до боли лица
наяву предо мной. Наяву…

МИЛАНА ГИЛИЧЕНСКИ

КАЖДОМУ – СВОЕГО САДА, А В НЁМ ЧУДЕСНЫХ ПТИЦ И ЦВЕТОВ





Лада Баумгартен: Милана, за время нашего знакомства у меня сложилось впечатление, что вы не особенно любите рассказывать о себе широкой аудитории. Поэтому мне очень приятно, что вы приняли положительное решение в отношении беседы со мной. За все это время я вас узнала как человека талантливого, одухотворенного, ответственного, делового, радушного… да, я могу перечислять и перечислять… Это на самом деле всё вы! А теперь скажите, как вам удается сочетать работу в собственной клинике с творчеством, семьей и путешествиями? Вы вообще спите?

Лада Баумгартен: А что случилось вначале: тяга к литературе, сочинительству или желание помогать людям, лечить их?

Милана Гиличенски: Позволю себе перефразировать Твена: «Слухи о моих достижениях несколько преувеличены». У меня нет клиники, есть практика или кабинет, где от девяти до двенадцати часов в день я занимаюсь семейной медициной. Общественная деятельность??? Вам показалось это в Тбилиси, когда мы с Володей Рабиновичем наперегонки посуду мыли! Он всё равно делает это быстрее и лучше меня. А вот рассказывать о себе точно не люблю. Дав согласие на интервью, тут же спросила себя: зачем? Так и не получила ответа.

Вы спрашиваете, как удаётся сочетать творчество и работу? В будни для творчества не хватает энергии. У меня творчество по выходным и праздничным дням, по тем, что в календаре красным цветом. Спасибо мужу, благодаря его ангажементу я освобождена от деловых бумаг: грустно, но именно в выходные многие частные предприниматели вынуждены ими заниматься. Сплю на самом деле мало, времени жалко: обидно – каждый день только работать и спать!

Милана Гиличенски: Тяга к сочинительству возникла довольно рано и не без маминой помощи. Она всячески побуждала к фантазированию. В частности, мама убедила меня читать сказки в книгах, а не смотреть по телевизору. «Когда читаешь, ты свободна, представляй себе сказку как хочешь, придумай свои дворцы, своих фей, свои волшебные сады. В

телевизионной передаче ты принимаешь образ, который придумали за тебя». Я решила придумывать за себя сама. В те годы в «моих садах» пели птицы всех цветов радуги, и каждая на свой лад, одна лучше другой! Очень хотелось эти цветные и музыкальные образы записать, а потом придумать ещё много других, неоднократно делала такие попытки, но всегда отвлекали дела первостепенной важности, я приучена была отдавать им предпочтение. Лет в четырнадцать стала очевидной необходимость из дел первостепенной важности выбрать самое первостепенное. Тогда я и приняла свое первое взрослое решение – «в медицину, по папиным стопам». Пошла. Путь не был усеян розами. Но всё же, спотыкаясь, падая, опять поднимаясь, шла вперёд. «Чудесные сады» довольно скоро превратились в точку на горизонте, потом и вовсе исчезли. «Первостепенное» заслонило видимую перспективу, его было так много, что иногда оно переваливало через край. Я работала и растила детей, о «садах» не вспоминала. Но дети стали взрослыми, разъехались, и неожиданно болезненно дала себя знать тишина вокруг. Пока пыталась к ней привыкнуть, оказалась в «садах», может, я шла по кругу?.. Там кое-что изменилось: цветов радуги стало меньше, да и те, что остались, поблекли, но многое было узнаваемо, а главное – опять захотелось увиденное и услышанное записывать. Теперь живу, как в детстве, – между садами и делами. Как тогда, первостепенному вынуждена отдать предпочтение, но зато время от времени в «садах» можно услышать голоса птиц!

Лада Баумгартен: Как давно вы живете в Германии и что послужило основой для вашей эмиграции?

Милана Гиличенски: В Германии я 27 лет. Моя семья уехала в начале девяностых. К той поре из наших краёв уже уехали почти все, кто мог, чуть позже тронулись и те, кто «не мог». Много народу покинуло Молдову за последние двадцать семь лет! Я долго противилась эмиграции – не хотелось чемоданной суеты и к месту рождения была привязана – чудесному городку у подножья утёса-великана. Любила дом, где родилась и жила первые тридцать лет, любила фонарь за окном – вечерами он так ярко светил, что можно было, сидя у окна, читать, не включая света, любила старый парк и воскресную сутолоку рынка, и крик петухов на рассвете, и отдалённый лай собак... Наверное, не уехала бы, но испугала волна национализма: к моменту раскола Союза она приняла безумные формы. Ничего нет страшнее толпы подвыпивших молодых людей, скандирующих национальные пароли! Особенно тогда было страшно, когда свежи были впечатления от Карабаха, Ферганы, Баку – телевидение в подробностях вещало

о событиях в этих уголках, о массовых убийствах, вандализме, погромах. Некоторое время я надеялась, что в Молдове ребята не перейдут от слов к делу. Ошиблась. На городском еврейском кладбище случился погром, окончательно решила уехать, увидев его последствия. В ночь погрома снесли и разбили двадцать семь надгробий, в том числе моих дедушки и бабушки, папиных родителей. Помню острый неровный разлом гранита: с какой силой нужно ненавидеть, чтобы так крушить?!

Лада Баумгартен: Скажите: сложно ли было выстроить новую жизнь на новой земле? Как все начиналось?

Милана Гиличенски: Думаю, мне повезло. Прежде всего, потому что удалось заключить договор с собой: как известно, это самый трудный вид договора, мы сами себе наиболее несговорчивые собеседники и партнёры. Мне нужно было торопиться: не хотелось разочаровывать родителей, сорвавшихся ради нас с насиженных мест. Знаю, что не оригинальна: подобные договоры с собой заключили все мои коллеги, сумевшие в эмиграции повторно стать врачами. Не секрет, что подтвердить медицинский диплом особенно сложно в Израиле и Америке, на новом языке сдают экзамен за весь Мединститут, за все годы учёбы! В Германии в ту пору экзамена не требовали, но и на работу не принимали, Только по нашей земле в начале девяностых насчитывались тысячи безработных врачей, и, главным образом, выпускники местных университетов. Как с ними конкурировать? Казалось, дело проиграно. Тогда и понадобился договор с собой, и срок понадобился, первый в жизни. Потом случались и другие, но не такие жёсткие. Тогда дала себе год. Решила – начну с языка, выучу его так, чтобы едва ли могли от своих отличать, хотя бы в этом сделаюсь более конкурентоспособной. Сработало.

Вообще, язык – мощнейшее орудие коммуникации, ключ в новое общество ты получишь, овладев им в совершенстве; тебе не просто откроют дверь, тебе доверят ключ! И неважно, что это ключ только от входной двери: в доме есть много комнат, куда не впустят сразу, есть и тайники, закрытые навсегда. Но и в собственном доме не иначе: ты сразу не впустишь каждого в святая святых. Время нужно! Доверие – это положительный опыт, помноженный на время: где-то жмёшь на газ, где-то – на тормоз, главное – движешься вперёд, получаешь ключ, попадаешь на первый уровень. Там можно задержаться, можно и остаться навсегда, ну, а если амбиции велики – карабкайся вверх. Боишься сорваться – не спеши, помни о времени. Извините за резонёрство, счи-

тайте это попыткой поделиться опытом. В заключение повторю: очень рада за всех моих коллег, кому в других странах мира удалось подтвердить диплом. Не устаю восхищаться и повторять: Молодцы!

Лада Баумгартен: Вы ведь потомственный врач. Расскажите о вашей медицинской династии.

Милана Гиличенски: Первым был папа, второй и последней – я. Дети не захотели в медицину. Папа начал работать в Молдове в пятьдесят пятом, когда врачей было совсем мало. Его выпуск был третьим по счёту в кишинёвском мединституте. Наша Alma Mater (впоследствии и я стала её выпускницей) была основана после войны. В середине пятидесятых подготовленных специалистов ещё не хватало, молодых врачей отправляли на вновь создаваемые сельские врачебные участки, в самые глухие места республики. На таком участке оказался и папа. Ехал он туда в качестве гинеколога. На месте выяснилось, что ставки терапевта и хирурга тоже пустуют. Свежеиспечённому Эскулапу пришлось лечить самому всё. Антибиотиков, перевязочных средств – в обрез, фельдшер опытен, но часто нетрезв, освещение в операционной – настольная лампа, её держит санитарка. До районной больницы далеко, консультанта не вызовешь, а по бездорожью вести пациента рискованно. Что остаётся? «Labor non onus, sed deneficium» – труд не бремя, а благодеяние. Там он вырос как врач. Позже работал уже в районной больнице, много лет заведовал общей хирургией. Параллельно прошёл специализацию и по урологии – в районе не было, нужно было кому-то перенять и это поле деятельности. Кто читал булгаковское «Полотенце с красным петухом» или рассказы Вересаева, тот сможет понять. Медицина – удивительный приключенческий роман, но действие продолжается, пока ты в работе, уходя, закрываешь последнюю страницу. Папа долго не мог свыкнуться с идеей, что в эмиграции придётся распрощаться с медициной, в день перед отъездом он ещё оперировал, а утром в день отъезда сделал обход в отделении.

Лада Баумгартен: Скажите, а литераторы, кроме вас, среди родных еще есть?

Милана Гиличенски: Мой прадед преподавал русскую словесность в кишинёвской гимназии, писал ли он, не знаю, но был влюблён в свой предмет. Папа пишет. В бытность его зав. Отделением, по просьбе редактора писал для местной газеты, в основном – популярно-познавательное, типа «профилактика – движущая сила здравоохранения». Позже, оказавшись не у дел, вероятно, тоже набрёл на свой «сад».

Лада Баумгартен: Вы знаете, что мне очень импонирует в вас, – это желание сохранить семейную историю. Кни-

Милана Гиличенски: Папа пишет сам. Ему есть о чём рассказать – и не только благодаря жизненному опыту. От природы он наделён зорким глазом, острым умом, удивительной способностью понимать

га Via Vitae, которую мы выпустили по воспоминаниям вашего отца, – это ведь не просто хроника событий, это качественная проза. Вы писали ее в соавторстве или же автором выступил только папа? Не значит ли это, что он передал вам не только тягу к врачеванию, но и толику литературного дара?..

и сопереживать. Будучи врачом, он жил не только профессией. В прошлом увлекался этнографией и искусством: коллекционировал старую утварь, одежду, предметы быта. Никогда не был верующим человеком, но изучал и прекрасно знал иконопись. Своим увлечениям уделял внимание по выходным и в отпусках. Отдыхал активно, предпочитал с группой друзей уходить в пешие странствия: куда только не заносило их – в Архангельскую область, в Приморье, на Байкал, на Кавказ, в Карпаты, в Прибалтику... Об этих странствиях, о медицине, которую очень любил, о людях, повстречавшихся на пути и запомнившихся, – он и пишет в своих рассказах, а разнообразие знаний придает этой прозе особый колорит. Меня поражает – восхищает и пугает – его внутренняя свобода, удивительная способность придумать самый невероятный проект – и каким-то образом найти возможность его реализовать. Оказавшись в эмиграции не у дел, он решил заняться гуманитарной помощью. Удалось! Оснастил вспомогательными средствами десятки детских и инвалидных домов Молдовы! И нашу районную больницу он помог оборудовать: завёз туда двести современных кроватей с электрическим управлением, оборудование операционной, рентгенкабинета, аппараты узи... всего не перечесть... И сейчас ещё, в преклонные годы, не изменяет жизненным принципам, открыт миру и людям, готов выслушать и помочь.

Вообще, мои родители – гении эмпатии. Всю жизнь учусь у них со-переживать, со-чувствовать, со-действовать. Маме до сих пор звонят и пишут ученики – она преподавала физику в школе. Никогда не забуду факультативы по физике, куда приводили меня из детсада старшеклассники – бедняги вынуждены были по очереди бегать за мной, мама так увлекалась, что не укладывалась в час факультатива, затягивала на два-три. Она казалась феей физики: юная, красивая, обожала учеников, обожала свой предмет – преподавала его так легко и вдохновенно, как будто читала стихи. Когда она только начинала работу в школе мальчишки-старшеклассники влюблялись в неё, помню, как по вечерам они пели серенады у нашего дома под окнами.

И мама не скучает в эмиграции: в штутгартской общине она организовала «клуб сеньоров» и руководит им по сей день. Их встречи похожи на небольшие театрализованные представления, содержательные и интересные. Думаю, эмпатия – начало любого творческого дара, в том числе и литературного, без неё не оживает ни один герой, события кажутся су-

Лада Баумгартен: Я была уверена, что медику как человеку, которому не составляет труда разобрать другого на составные, а потом собрать обратно, не свойственно верить в то, что невозможно пощупать… Ведь, если мы говорим об эмпатии, то она присуща человеку, в котором тело, душа и дух едины. И вот тут мы сталкиваемся с таким понятием как душа, которая уже относится к нематериальной науке. Или современная медицина теперь использует среди своих инструментариев то, что нельзя назвать вполне обычными вещами?

Лада Баумгартен: С давних пор человек пытается понять, где расположено его внутреннее Я. Ученик философа Демокрита – Гален – предполагал, что место души в кровеносных сосудах. Древние египтяне считали, что существование души нереально без сохранения тела. Бытовало мнение и о том, что душа расположена в области груди или даже в шейном позвонке. А по вашему мнению – где она находится, и почему именно там?

Лада Баумгартен: Есть такая теория, что на развитие любого заболевания влияют эмоциональное состояние человека, образ его мышления и внешние факторы. То есть получается, что жизненные неурядицы и негативные мысли «бьют» по определённым органам человеческого тела. То есть, боль в животе химии фактами в газетной передовице, а самые чудесные метафоры – нелепой бутафорией. Мои старики – эмпаты душой и телом, восхищаюсь ими и горжусь!

Милана Гиличенски: Современная медицина сама не вполне обычная вещь, и часто приходится лечить многое, что нельзя потрогать или пощупать. Поражаюсь её невероятным возможностям, но часто страдаю от её бессилия. Восхищаюсь её могуществом, но знаю его границы, да и знаю ли…

«Школьная» или традиционная наука, приверженцем которой я являюсь, занимается душой как материальным субстратом, в ней нет места доктрине о перевоплощении, нет понятия «сверхъестественного», нет волшебства – есть лаборатории, в которых кипит работа, есть десятки тысяч моих коллег, которые трудятся в «горячих цехах» реанимаций и приёмных покоев, стоят за операционными столами, летят на вертолётах сан-авиации, есть опыт, есть статистика.

«Сверхъестественное» остаётся уделом шаманов!.. И всё же… и всё же… Чем станем мы и наша жизнь без тени сомнения?

Милана Гиличенски: Душа – как совокупность чувств, опыта, интуиции, воспитания имеет много адресов. Страх живёт в миндальных ядрах лимбической системы мозга, нежность – в участке коры, называемом соматосенсорным, смех – в префронтальном. Наш мозг – нечто вроде большого НИИ: на разных этажах генерируются чувства, а интеллигентные клетки мозга следят, чтобы машины-генераторы не сбивались. Есть много популярных работ по нейробиологии, могу посоветовать «Науку счастья» Штефана Кляйна. Прочитала, что в человеческом мозге у любви тот же адрес, что у наркозависимости, но это один, главный адрес, есть у неё ещё и другие адреса – счастья, нежности, печали и гнева. Сегодня с помощью современных технологий учёные умеют совершенно точно определять эти адреса.

Милана Гиличенски: Думаю, что каждый индивидуум подсознательно определил сам, каким органом будет реагировать на проблему. Дело не в характере проблемы, а в особенностях индивидуума, в том, где он её «ощущает». Обстоятельство, что у одного упрямство в локтях, а у другого во лбу, объясняется жизненным опытом того или другого, его историей, отношением к жизни вообще и к проблеме в частности. Кому-то захочется немедленно нокаутировать проблему на боксёрском ринге – возможно, у такого борца заболят локти от мнимого напряжения,

те – из-за безденежья; в локтях – из-за упрямства и т. д. Согласны ли вы с этим?

Лада Баумгартен: А не значит ли все это, что современный доктор должен быть вкупе еще и психотерапевтом? Получается ли совмещать?

Лада Баумгартен: Милана, а вы согласны, что писатель – он тоже врачеватель? Только врачеватель человеческих душ и несет определенную ответственность за написанное/сказанное им?

Лада Баумгартен: В издательстве stella была издана ваша книга «Дни Златоуста», расскажите о ней.

другой начнёт обдумывать ход для её решения, прикинет в уме все за и против, вычислит позиции противника и возможные последствия – у такого разболится лоб.

Милана Гиличенски: Как семейный врач ты обязан совмещать. Вообще в работе врача приходится многое совмещать – медицинскую науку и психологию, педагогику и актёрское мастерство – последнее более значимо, чем это принято думать, – и ничего антинаучного тут нет, есть попытка убедить пациента в правильности предполагаемых шагов, успокоить, внушить надежду. Если человек ушёл, не чувствуя облегчения, пьеса провалена, думай, как в следующий раз сыграть лучше.

Милана Гиличенски: «Нам не дано предугадать,/ как слово наше отзовётся...» В литературе не считаю себя врачевателем душ. У меня иная задача – чёрной кошкой обследовать ночные крыши, белой вороной наблюдать уличную суету с высоты телеграфных проводов. Своими открытиями я поделюсь с читателем: возможно, и ему станет интересен мир из такой необычной перспективы. Врачевания хватает в дни недели, не отмеченные в календаре красным цветом.

Милана Гиличенски: Несколькими словами не смогу, расскажу как родилась идея: однажды я получила в подарок сувенирный ретро-телефончик: чёрный блестящий циферблат, высокие рычажки, трубочка на шнуре. Бесполезный, он занял место на моём письменном столе, и через несколько дней я перестала его замечать. Впоследствии телефончик самостоятельно сдвинулся за процессор – я давно уже обнаружила удивительное свойство вещей на письменном столе – периодически они начинают жить самостоятельно. Прошло ещё какое-то время, я больше о нём не вспоминала. Но случилось так, что он сам напомнил о себе: мне приснилось, что он зазвонил. Я не решалась снять трубку, смотрела только, как подрагивает она на рычажках и дивилась этому чуду. В последующие дни воспоминание о странном сне не покидало. А если бы на самом деле раздался звонок? Зачем бы вышел на контакт таинственный Некто? О чём бы говорил со мной? Хотел бы что-то сообщить или о чём спросить? В общем, я терялась в догадках. Не найдя ответа, решила написать повесть о таинственном звонке, заставшем врасплох нашего среднестатистического современника и бывшего соотечественника – гражданина вполне «от мира сего», удачника, молодца. Так появился Златоуст. На себя я взяла смелость стать Го-

лосом из телефона, «тем, кто спрашивает». Писала Златоуста со всей тщательностью, но в какой-то момент стала узнавать в нём себя, немного больше, чем хотелось бы. Тогда испугалась и поставила точку.

Лада Баумгартен: По Германии мы знаем – где можно приобрести ваши книги, они есть в том числе в земельных библиотеках. А где почитать вас остальным?

Милана Гиличенски: Не умею продавать свои книги в интернете, но планирую узнать, как это делается... Вообще, меня волнует больше процесс создания книги, чем её реализация, реализация – это как раз «от мира сего», с ней уходит волшебство и начинается повседневность, её я побаиваюсь.

Лада Баумгартен: А чтобы вы пожелали нашим и вашим читателям?

Милана Гиличенски: Каждому – своего сада, а в нём чудесных птиц и цветов, мира и гармонии!

РЕЦЕНЗИЯ

ПАРТНЁРСКАЯ ПРОГРАММА

Если вы желаете издать книгу в издательстве **stella**, но у вас не хватает на это средств, предлагаем воспользоваться партнёрской программой.

Каждый желающий может выбрать любую книгу, выпущенную в нашем издательстве (кроме собственной, допускаются коллективные сборники с личным участием).

Если у вас нет нашей книги – вы можете выбрать на сайте издательства или на странице издательства в социальной сети фейсбук и сообщить нам по этому адресу artstellapro@gmail.com о том, что хотите на выбранную книгу написать рецензию.

Мы вышлем вам электронную версию для ознакомления с изданием и его последующего рецензирования.

Когда рецензия будет готова, ее необходимо выслать в редакцию по тому же адресу.

Требование к тексту:

Рецензии принимаются объемом не менее 2 печатных листов.

Не принимаются рецензии:

- Содержащие нападки на автора, ложную информацию и клевету;
- С ненормативной лексикой.

За каждую рецензию автор получает **20** баллов, что эквивалентно **20** евро!

Набрав определенное количество баллов – вы можете запросить у нас сверку по зачислению их на ваше имя и воспользоваться набранными единицами (или денежной суммой) для компенсирования части или полной оплаты за производство вашей книги, допечатки уже изданной вами у нас книги или заказать для себя по нашему каталогу книги в бумажном варианте понравившихся авторов.

МАРИНА ЛАМБЕРТЦ-СИМОНОВА
КАК СТАТЬ ПИСАТЕЛЕМ?..

Размышления из книги «Мастера словесности»

Мне нравится, как на этот вопрос ответил А. П. Чехов: «Стать писателем очень нетрудно. Нет того урода, который не нашёл бы себе пары, и нет той чепухи, которая не нашла бы себе подходящего читателя. А посему не робей… Клади перед собой бумагу, бери в руки перо и, раздражив пленную мысль, строчи». Но как быть, если тебя просто распирает от «пленных мыслей», а они сидят в твоей буйной голове за прочной «решеткой», смешавшись и сплетясь между собой, а ты не знаешь, где найти Ключ, чтобы выпустить этих бедолаг наружу, а потом ещё и организовать в «отряды слов» – в твои будущие сногсшибательные или ещё лучше: душераздирающие произведения?

Поделюсь личным опытом: сначала освободи… самого себя! Подготовь к будущему Триумфу! Лучше, конечно… влюбиться, притом по уши! Или наоборот: разлюбить, возненавидеть, стеная и плача напропалую, на выдохе освободившись от того самого… «крика души», который так мучил тебя, а теперь пусть помучает и «достанет» других в… зарифмованном твоим разгорячённым умом витиеватом виде. Это круто! И да помогут тебе соответствующие порталы интернета разбередить и утолить жажду «потосковать в хорошей компании» сотен, а может, и сотен тысяч пользователей, не обладающих и каплей твоего таланта.

Ну а что, если ты «спокоен как в танке» и знаешь, что очень хочешь, но не… можешь? Тогда ещё один вполне серьёзный и дельный совет, кстати, одновременно полезный не только для писательской души, но и для тела: приготовь себе чашечку ароматного какао с имбирем, корицей и ванилью – этот волшебный напиток творит чудеса (в нем много великолепных флавонолов и других полезных веществ – значительно улучшающих работу мозга и повышающих выработку гормонов радости – эндорфинов)! Наслаждайся им, вдыхай божественный аромат! На него летят и Музы, особенно моя любимая Эвтерпа – поверь!

А теперь включи хорошую тихую музыку, зажги свечу, закрой глаза, расслабься на пять минут, а затем «восстань ото сна» и попробуй записать первые пришедшие в голову слова, пусть даже это всего лишь… клочки освобождённых мыслей… Но зато какие! Это точно будут Перлы, поверь! Позднее (на трезвую голову!) из них могут родиться стихи, рассказы, песни…

Ну а если боишься, что свеча чересчур разгорится, что не совсем пожаробезопасно, сходи в музей, когда там не очень много народа, побудь наедине с картинами (но лучше не с чересчур… обнажёнными) или просто присядь на скамейку в осеннем парке и посмотри, как падают осенние листья или рождаются новые весной. Чувствуешь аромат? А ведь и на нем иногда прекрасно

«настаиваются» поэтические строки... А если у тебя при этом из глаза выкатится непрошеная слеза, то ты и вовсе уже без пяти минут Поэт или будущий автор известного романа... Да, конечно, здесь нельзя без веры, веры в собственные силы!

Я лично первое своё стихотворение (вернее, целых... пять!) – написала в 13 лет, благодаря папе. Он видел, как я скучаю и не знаю чем заняться, перечитав все книги, и переживаю, что из-за простуды не могу ходить в школу и репетировать роль Наташи Ростовой в школьном театре, и уходя на работу, предложил мне написать... стихи, глядя в окошко... Я так и сделала. Сначала было очень трудно превратить свои чувства в... слова, но потом все пошло как по маслу... И окно в мир, даже крошечное, помогало не раз разродиться дюжиной поэтических творений, даже если я была только чуточку... «беременна ими». Конечно, начальная «капелька» таланта нужна каждому будущему писателю, но эту «капельку» можно развить, и она тогда перельется через край, превращаясь в бурный поток... Хотя тут появится новая проблема: ваш словесный поток будет уже не удержать!

Какими качествами должен обладать писатель?

Он должен быть очень чутким! Это проявляется у него во всем! Это у него от природы! С рождения, пожалуй! В младенческом возрасте его даже соска не успокаивала! И он уже тогда громче других ударял пальчиком по погремушкам, отлично различая их цвета и попадая в такт своим мелодичнейшим «У-а-а!». Это чуть позднее он будет сжимать в руке перо и взрывать бумагу. И она стерпит всё, потому что он – её человек, умеющий не только смотреть, но и... видеть, не только слушать, но и... слышать – и этим блестяще отличается от обычных, нормальных то есть, коллег по детскому саду, школе и работе. Остальное, уверена, приложится!

Какие темы сегодня должен поднимать писатель в своём творчестве?

Ну, конечно же, темы, которые волнуют самого пишущего! Может быть, смешат, заставляют грустить или приводят в негодование! Ищите Конфликт или вызывайте Радость, давайте своими строками Надежду, покажите, что Любовь есть! Только не нойте, не сейте пессимизм, не пугайте публику мыслями о своём безвременном уходе из этого мира! Даже если ваша душа плачет, пусть наружу летят строки о том, что мир все-таки Прекрасен! Но не хватайтесь в ажиотаже за неподъёмное, чтобы не надорвать свою тонкую психику, или тренируйте... «сердечные бицепсы». А вот совет одного из самых влиятельных американских писателей прошлого века, Курта Воннегута: «Пишите, чтобы угодить только одному человеку. Если вы откроете окно и займётесь, так сказать, любовью со всем миром, ваша история подхватит пневмонию».

Что делать, если писа́ть хочется, но идеи все-таки нет?

Подслушайте ее у Дождика, подсмотрите у Снега, заметающего чьи-то следы, пошушукайтесь с тем самым «желтым одуванчиком у забора», из которого «растут стихи, не ведая стыда»... Возьмите, наконец-таки, на колени кошку, и она «намурлыкает» вам такие строки – только успевай записывать!

А может быть, кто-то досадил вам «до чертиков»? Ай, да молодец! Ну прямо-таки для вас старался! Чем он – не мишень для ваших острых строк? Они прекрасно заменяют... нож! И ещё дельный совет: «Срочно влюбитесь!» В кого? Ну хотя бы в собственную... жену (мужа), в какого-нибудь... козла (козу) в зоопарке, в плохую (хорошую) погоду или в эту осточертевшую (прекрасную) Жизнь, наконец! Только, пожалуйста, не ходите взад и вперёд по вашей двадцати-комнатной квартире с десятью туалетами и не стоните в стихах о том, что... «нет счастья в жизни...».

Как привлечь музу или без нее можно обойтись?

Ну уж нет: Муза нужна (или... Музык, если писатель – дама)! Когда я занималась в «Мастерской молодых писателей» при Санкт-Петербургском Доме писателей, нам с первого дня внушали, что над входом в

это великолепное пристанище муз некогда была надпись: «поэтов вдохновляют Музы, а поэтесс… Музыки», с того золотого времени у меня много на эту тему написано, потому что это – сущая правда. Вот отрывок из моего стихотворения:

«Эй, на Олимпе! Вы наверняка
Помочь мне в компетенции и в силе:
На кой мне Муза? Шлите… Музыка!
Чтоб он вздымать умел
не только крылья!»

Ну а привлечь к себе муз или… «музыков» можно, например, особыми ритуалами. Это может быть ароматный чай, кофе, какао (о волшебных свойствах которого я сообщала ранее) или что-то чуть крепче (важно соблюдать дозировку, чтобы в самый «улётный» момент не выронить из руки перо или не упасть с писательского стула. О горящих свечах я тоже уже упоминала. Вот, например, у Шиллера во время работы над очередной рукописью в столе лежали… гнилые яблоки, Набоков писал на… карточках, Роальд Даль ждал муз в холодном сарайчике, кутаясь в спальный мешок, Агате Кристи музы нашёптывали строки про убийства, когда она мыла посуду. Хеменгуэй принимал покровительницу писательского ремесла в обществе шестипалого кота Сноубола. Подтверждаю на основании собственного опыта, что последнее средство – просто супер: когда на моём письменном столе сидит кот Пушкин – музы могут отдыхать! А ещё попробуйте оседлать... Пегаса, как это делаю я. У меня об этом тоже много написано, вот «кусочек»:

«И снова лечу я, Пегасу послушна,
Чтоб где-то гасить нестерпимую боль...
А как грандиозна поэзии роль –
Давно мне внушает крылатый коняга.
И сделать уже не могу я ни шага,
Пока я за гриву его не схвачусь...
Искусству я этому только учусь –
Стараюсь неистово – в поте лица...»

Старайтесь и вы, и у вас всё получится!

Как завоевать доверие читателя?

Помните: «Гюльчатай, открой личико!»? Так и писатель должен смело открыть своё «лицо» читателю. Опять обратимся к Курту Воннегуту: «Писатель не должен забывать о том, что он – Лицо своих произведений!» Откроем же своё лицо читателям. Пусть оно не такое, как у Моны Лизы (говорят, кстати, Мона Лиза – автопортрет самого Леонардо!), но оно – Необыкновенное, оно Неповторимое – оно Наше! Да, это трудно, чтобы его увидели в толпе, да ещё в час пик, и влюбились с первого взгляда – здесь абсолютная аналогия с жизнью! И все же в большинство людей, мечтающих о Любви, действительно влюбляются, на них женятся, за них выходят замуж. Так и с писателями. Правда, с ними дело посложнее: в них должны влюбляться сразу много людей, и «замужество» им предстоит не одно, им надо привыкнуть к «многожёнству», удовлетворяя всех влюблённых… Но такова нелегкая судьба писателя! Делить своё «любовное ложе» на «седьмом небе» сразу со многими или… Для этого нужно постоянно работать над своей «внешностью», которая освещается изнутри, следить, чтобы она не старела и не сгорала на солнце – это большая, бесконечная работа, и тут ничегошеньки не поделаешь!

И ещё вам вдобавок советы от Курта Воннегута: «Используйте время совершенно незнакомого человека так, чтобы оно не казалось ему потраченным напрасно. Давайте читателю хотя бы одного героя, за которого хочется болеть душой».

Как относиться к критике?

Критика всегда воспринимается болезненно – такими создала нас природа, чтобы мы учились защищаться. И воспринимается критика гораздо острее, чем похвала. Но как сказал Аристотель: «Критики можно легко избежать, если ничего не говорить, ничего не делать и быть ничем». Сегодня почти все из нас выходят в интернет, и каждый может получить в свой адрес не просто критику, но и любые самые злобные высказывания. К этому надо относиться спокойно и учиться извлекать пользу. Ведь даже из камня, который кто-то вложит в вашу руку, можно высечь огонь. А вот, что советовал по этому поводу Стивен Кинг: «Как справляться с кри-

тикой? Покажите свой черновик некоторому количеству людей. К примеру, десяти. Внимательно послушайте, что они говорят. Улыбайтесь и кивайте. Затем просмотрите все пункты, по которым они прошлись. Если семь из десяти сошлись на том, что персонаж неинтересен или сюжетный ход банален, значит, так оно и есть. Если же каждый сказал что-то своё, можете спокойно это игнорировать». Но ещё лучше заказать рецензию у профессионала и обязательно прислушаться к его советам. Они помогут вам в будущем не только избежать тех же ошибок, но и писать гораздо лучше. Мне лично помогают и выступления перед читателями. И дело вовсе не только в том, что они скажут во время дискуссии после чтения. Когда ты читаешь своё произведение вслух, ты вдруг сам гораздо острее, а может быть, и вообще впервые, видишь свои ошибки и просчеты, а по глазам слушателей, по их реакции – ещё и умеешь ли ты вообще «брать за живое» или тебе просто мастерски удаётся вводить слушателей в... сон. Ну и, конечно, нужно быть осторожным в отношении... похвал. В интернете мы часто становится свидетелями того, как источается массовый восторг по поводу якобы «прекрасных творений» тех, кто просто умеет писать в рифму, и чистых графоманов называют поэтами... Но если похвала имеет под собой серьёзное основание – это всё же здорово и даёт мне лично великолепный импульс к дальнейшему творчеству.

Как донести свое творчество до потенциальных читателей?

Это самое больное место у многих! Как правило, и к сожалению, для этого нужны деньги (и немалые!), чтобы публиковать как можно больше своих книг, да ещё значительными тиражами (я имею ввиду, говоря о «сожалении», конечно, хорошие, интересные произведения талантливых авторов). Ну а как иначе автору «показать товар лицом», да ещё такой «трепетный», выстраданный, высиженный долгими днями и ночами, состоящий из живой материи души, пуповиной связанный с твоим сердцем? Ведь и самые замечательные произведения не могут существовать без читателей. Позволительно, конечно, ждать подарков Судьбы, улыбок Фортуны, денежного Дождя! Конечно, можно и нужно участвовать в литературных конкурсах, но даже в том случае, если вас наградят очень престижными грамотами и медалями, это вовсе не гарантия, что бесплатно выпустят вашу книгу, да ещё большим тиражом, хотя «высокие награды», которыми уже завешаны все стены вашего жилища, льстят самолюбию и прибавляют уверенности в самом себе, усиливают желание писать дальше и дальше.

Публикуйтесь в журналах, альманахах, на интернет-порталах, хотя и здесь нет никакой гарантии, что это серьезно «продвинет» ваше творчество и путь к читателям. Конечно, издание книг, да ещё и на хорошей бумаге, с яркими иллюстрациями (особенно это касается книг для детей!), большими тиражами – это пока «Мечта поэта», вернее, всех писателей, но так было всегда, во все времена! Умелый и опытный литературный агент, какой-нибудь меценат, который вложил бы в «вас» деньги, помог бы раскрыть ваш талант публике куда успешнее, а вы, окрылённый успехом, смогли бы писать гораздо лучше или даже гениально. Так было и со многими классиками. Но для вас пока это журавль в небе, а занятой пером рукой невозможно схватиться за... синицу!

И все же не опускайте руки! Участвуйте в фестивалях, питчингах, показывайте себя «лицом» (и его «не общим выражением») везде, где только возможно! Возможность «А вдруг?» – существует всегда, порой подстерегает даже в самых неожиданных местах... Желаю в этом отношении удачи и вам, друзья и коллеги, дорогие собратья по перу, и себе!

А закончу словами Чехова: «Стать писателем, которого печатают и читают, очень трудно. Для этого: будь, безусловно, грамотен и имей талант величиною хотя бы с чечевичное зерно. За отсутствием больших талантов дороги и маленькие».

МАРИНА КАРИО
ЗАЗЕРКАЛЬЕ...

Лада Баумгартен: Марина, насколько я знаю, вы родились на Востоке. Верно?

Марина Карио: Моя судьба с раннего детства была насыщена яркими событиями, разными – удивительными и цветистыми, бесповоротными и горькими. Я родилась в поезде «Москва–Пекин», что само по себе явилось сакральным фактом единения во мне европейской и восточной ментальности на всю жизнь. В каждом уголке мира я чувствую себя хорошо, тяготею к изучению чужих культур и пространств. Каждый камень и каждое облако помогают мне в творчестве.

Мой отец, геодезист и картограф по образованию, был очень пытлив и многосторонне развит, знал несколько восточных языков, вобрав в себя кровь трёх юго-восточных народов, отлично рисовал, защитил докторскую диссертацию по окончанию аспирантуры МГУ в Москве, где и встретил мою маму. Мама – москвичка, экономист, в то время училась в МГУ. Они полюбили друг друга, поженились.

Отец много ездил в геодезические экспедиции по странам Юго-Восточной Азии. Тяготел к культуре Тибета, составлял карты местности. Там он близко подружился с тибетским монахом, которого приобщил к моему воспитанию. Мне было три года. Днём я слышала тибетскую речь, а утром и вечером – русскую. Отец и мать разговаривали со мной только на русском языке. Я помню, что всех понимала, и как выяснилось, навсегда. Потом отца перевели на ди-

пломатическую работу. И мама в то время часто присутствовала с ним на дипломатических приёмах. Она была невероятно красивой женщиной, с хорошим вкусом, очень любила музыку. Надо сказать, моя семья по маминой линии очень музыкальна. Голос бабушки навсегда остался в моей памяти, как скрипичный ключ. Сестра моей мамы, Шадрина Маргарита Васильевна, выдающийся педагог по академическому вокалу, доцент музыкального института им. Шнитке в Москве, недавно ушла от нас. Её ученики поют в лучших оперных театрах мира.

Лада Баумгартен: Какие-то яркие ваши детские впечатления остались от того периода?

Марина Карио: Безусловно. Именно детские впечатления формируют нас. Не буду первооткрывателем, если скажу: чем многообразнее опыт, тем многогранней человек. Мои детские впечатления и перипетии судьбы я поведала в рассказе «Покидая восток», который был выслан мной в качестве конкурсной работы на литературный фестиваль «Русский STIL-2016», проводимый Международной гильдией писателей, и искренне рада тому, что он был оценен жюри и стал «серебряным лауреатом» фестиваля. А я стала членом МГП. Рассказ напечатан в альманахе фестиваля. Его можно прочесть и на русских сайтах «Журнальный Мир», «Золотое руно», «Читальный зал». Также в составе контента альманаха «Золотое руно» 2017 рассказ попал в библиотеку Йельского университета в США. Это сакральное, может быть, непривычное для глаз свободой и красками откровение. И что очень важно – это судьба человека и контекст эпохи.

Главное, что дал мне опыт пережитого в детстве, – это чувство внутренней свободы навсегда, интерес к культуре, поэзии и религии, любовь к природе во всех её проявлениях, вдумчивость, наблюдательность. В этом смысле мне невероятно близок и понятен очень неординарный, интеллектуальный актёр, Киану Ривз, в котором намешана гавайская, китайская и британская кровь. Его роли в «Маленьком Будде» Бернардо Бертолуччи, «47 ронинов» Хироюки Тагава, в американском фильме «Дом у озера», где он так тонко сыграл в дуэте с Сандрой Баллок. Я вижу, понимаю, откуда эта пластика, глубина, сдержанная страстность и интеллект.

Лада Баумгартен: Я знаю, что вы изначально тянулись проявить себя в творческом плане. Ведь и семья, в которой вы воспитывались, была творческой. Почему вы выбрали балет?

Марина Карио: Я иногда смеюсь: танцевать научилась раньше, чем ходить… Не я выбрала балет, но балет выбрал меня. Мы с мамой вернулись в Советский Союз, когда мне было пять лет. У мамы появилась седина. Жизнь её сложилась непросто. Во время Второй Мировой войны ребёнком мама попала в оккупацию к фашистам на территории Украины. Там летом 41-го года её настигла война. Родители были в

Москве. Мама была заключена в детский трудовой лагерь. Днём детей заставляли рыть оборонительные рвы для фашистов, ночью дети спали на земляном полу в бараках. Каждое утро выносили трупы. Мама сильно застудилась, но выжила. Когда советские войска освободили выживших, мама возвращалась в Москву на товарнике, на подножке поезда.

Теперь мама вернулась в Москву второй раз, уже с Востока. Это было нелёгкое время для нас. Для меня вдвойне, так как я потеряла отца. Видимо, оттого что я ещё не могла выразить свои чувства на бумаге, они вырывались другой формой передачи – пластикой. Я очень часто и подолгу танцевала наедине с собой. Сама себе была и хореограф, и танцовщица. И, конечно, генетически во мне звучали музыка и ритм. И мне действительно казалось, что я разговариваю с кем-то небесным, меня слышат и даже отвечают. С шести лет я занималась в балетной студии, потом поступила в Московское Хореографическое училище и уже не мыслила себя без балета... Но травма или перст судьбы приготовили мне иное.

Лада Баумгартен: На смену балету пришла музыка. Какой инструмент вы освоили, и стало ли музицирование профессиональным делом или только увлечением для души?

Марина Карио: Сколько себя помню, всегда мечтала играть на фортепьяно. Когда исполнилось девять, бабушка подарила мне инструмент. Это было настоящее счастье. После ухода из балета, я поступила в музыкальную школу на класс фортепиано и закончила его экстерном за четыре года вместо семи. Педагог Елена Михайловна Чащина обучала меня по ускоренной программе для одарённых детей, и меня просто переводили в конце учебного года через класс, то есть из первого в третий, из третьего в пятый, потом шестой, седьмой. На выпускном экзамене я играла Прелюд № 1 Рахманинова, очень известное и сложное произведение. У меня дома до сих пор сохранился винил «Прелюды Рахманинова в исполнении Эмиля Гилельса». Слушаю порой и удивляюсь, неужели я могла такое играть? Рахманинов для меня на всю жизнь остался гением фортепьянной музыки номер один на Земле. А его концерт № 2 для фортепиано с оркестром – моя Вселенная. Пожалуй, по силе эмоционального воздействия я могу поставить рядом только Восьмую симфонию Шостаковича. В этих произведениях, их звуках и волнах всё – жизнь и смерть, падения и взлёты, войны и потери, кажется, общие слова, но они касаются каждого. Сейчас играю редко, очень редко, для души.

Что дала мне музыка? Когда я слушаю человека, то не столько вникаю в слова, сколько слышу их краски и звуки, и от этого возникает чувство правды или фальши.

Лада Баумгартен: А когда к вам пришли первые стихи? О чём они были?

Марина Карио: Первые стихи пришли неожиданно, когда мне было 12 лет. И я до сих пор помню их, эти детские, но такие искренние строки. Стояла зима. Снежная зима. Ночь. Мне не спалось, я подошла к окну, взглянула на улицу и прошептала:

На окошко дымка ложится
От дыханья несомкнутых век.
Мне сегодня опять приснится
Первый московский снег.
Тишина. Лишь полоска света
Оставляет печать свою
На снегу, где фонарик с лета
И где я, чуть печалясь, стою.
От волнения всё замирает,
И сосна напевает мотив.
В сладкой неге душа моя тает
Обо всём на свете забыв…
И качается в такт снежинкам,
Убегающим в звёздную даль,
Отпуская кусочек света
И мой летний поблёкший фонарь.

Я записала эти строки на листке бумаги, и с тех пор лист бумаги стал для меня тем волшебным закутком, где можно творить свой маленький мир. Поэзия многомерна. Всё, что я познавала и любила, срослось в единый пазл. Музыкальный и литературный язык, язык жеста и красок. В тексте я вижу рисунок. В рисунке читаю текст. В музыке я слышу язык, рисунок и бога. Кажется, Апполинер (Костровицкий) говорил: «Поэзию я ощущаю зрительными, вкусовыми и тактильными рецепторами». Я с ним согласна.

Лада Баумгартен: Но я знаю, что ваш литературный талант не ограничивается лишь поэзией. Это верно, что вы в своё время писали статьи для «Огонька»? И что за журнал «Нация»? Я правильно понимаю, что здесь вы уже перешли к семейному издательскому бизнесу?

Марина Карио: В 90-е мы все проснулись в другой стране. У меня уже были муж и ребёнок. Муж был спецкором «МК» и внештатным корреспондентом «Огонька». Открылись шлюзы. И мы решили попробовать себя в семейном издательском бизнесе. Журнал «Нация» задумывался как этно-географический журнал. Мы мечтали ездить по миру, изучать культуры разных стран и народов. Муж даже изучал основы бизнеса в США, в Нью-Йоркском бизнес-центре. Но при этом оставался корреспондентом «МК» и «Огонька». Времени на создание бизнеса и работу спецкора у него категорически не хватало. Я же к этому времени уже писала прозу. У меня были тетради с рассказами и очерками, одобрительные отзывы коллег мужа. И мы рискнули. Муж активно забивал сваи для фундамента нашего бизнеса, а я писала очерки для «МК» и «Огонька», которые публиковались под его именем. Позже стали выпускаться пер-

вые номера нашего этно-графического журнала. Мы путешествовали по Аляске по приглашению нашего бизнес-партнёра в США. Жили в городе Анкоридж и автостопом по всей Аляске собирали материалы о коренных народах для нашего журнала. Изучали обычаи народов Финляндии, Карелии, Забайкалья... В середине 90-х вышел мой первый сборник стихов «Белая ночь» (Записки из Петербурга), где мы часто бывали с мужем. Это самый близкий мне по духу город России. Тираж был небольшой и быстро разошёлся по рукам наших знакомых и коллег. Когда не стало мужа, бизнес пришлось оставить. Были долги и другие обстоятельства. Я начинала жить заново.

Лада Баумгартен: Сегодня вы член многих писательских союзов и в том числе член Международной гильдии писателей. Расскажите, чем сегодня живут московские писатели?

Марина Карио: Я бы определённо назвала Москву и Петербург литературными городами. Здесь читают на площадях стихи, в библиотеках проводятся библионочи, где также читаются стихи. К стихам в Москве нынче интерес не меньший, чем в Серебряном веке. В Булгаковском доме дают интересные вечера, поэты и писатели общаются в неформальной обстановке. В Доме Актёра еженедельно собираются поэты и музыканты, читают и поют, свингуют, болтают за чашечкой кофе. В Доме Архитектора в белой гостиной два раза в месяц собираются поэты из разных творческих союзов и городов, знакомятся, пьют чай и читают стихи по кругу. В Центральном Доме Литераторов каждую неделю проводятся презентации книг прозаиков и поэтов, вечера различных литературных объединений и союзов, творческие и юбилейные авторские вечера писателей. Так или иначе, все мы пересекаемся, и в той или иной мере знакомы друг с другом. Книжные магазины Москвы, такие как Библиоглобус, Гиперион становятся больше книжными клубами, но не просто книжными магазинами. Чем помогают литературные союзы? Продвижением книг на международные книжные выставки, организацией участия в таких книжных ярмарках, как Франкфуртская, Лейпцигская, Балтийская, Nonfiction, выдвижением авторов на соискание литературных премий, организацией презентаций книг авторов. Но, к слову, таких авторов немного.

Мне интересны литературные семинары, проводимые Союзом писателей России. Всегда подчерпнёшь что-то полезное, новое. Семинары проводят личности. Самый запомнившийся за последнее время – семинар выдающегося поэта Евгения Рейна, наставника и друга Иосифа Бродского.

Все мы учимся всю жизнь. Все мы, даже самые образованные люди, в каком-то смысле, напитаны по верхам. Жизнь человеческая конечна и коротка

для глубокого погружения во всё и вся. Быть гуру во всём, что создано человечеством, значит, быть богом.

Лада Баумгартен: Марина, я процитирую вас, если позволите: «Без литературы я не представляю своей жизни. Она и есть та дорога, на которую я вышла через ночь и пепелище». Вы издали книгу «Водяное солнце»... знаю, что она для вас знаковая. О чём она и почему солнце «водяное»?

Марина Карио: Любая данная тебе дорога – божий промысел. Как всякий творческий человек, я не верю в случайность. Нельзя случайно стать Моцартом, Пикассо или Достоевским. Нельзя стать писателем, поэтом, художником, если тебе нечего сказать миру, если ты не можешь показать этот мир объёмнее. Книга «Водяное солнце» поэтическая. «Водяное солнце» – метафора, образ. Это зазеркалье, то, что сокрыто в глубине. Однажды нашла свою книгу на сайте Таганрогской городской библиотеки. В аннотации написано – Марина Карио «Водяное солнце» – книга о смысле бытия. Значит, сотрудники библиотеки, прочитав, поняли, о чём книга. Думающий читатель тоже поймёт. Искусство нельзя измерить. Если тебе предначертано написать, даже если никто не будет принимать, приходит то, что должно прийти.

Солнце – светило, оно дарит себя людям, но глубоко одиноко. Его боль и знания в толще воды. Так и искусство, творчество открывается людям, но всегда рождается из глубокого одиночества.

Мне очень приятно, что книга получила «Золотой диплом» конкурса на приз президента МГП «Её величество книга!» в Германии. Книгу лучше читать, чем о ней рассказывать.

Лада Баумгартен: А где можно почитать ваши публикации?

Марина Карио: В российских и международных альманахах. На сайтах «МегаЛит», «Журнальный Мир», «Читальный зал», «Золотое руно», «Литрес», «LifeLib» и др. Очень много неопубликованной прозы, поэзии. Надеюсь, в ближайшее время выйдут книги. Приятно было обнаружить себя на сайте российской электронной школы в качестве автора, рекомендуемого для внеклассного чтения в старших классах. Это сайт учителей-словесников. Удивительное рядом.

Счастлива тем, что печатаюсь в одних альманахах с Евгением Рейном, Львом Аннинским – автором послесловия к моей книге «Водяное солнце». Встречаюсь, жму руку, могу набрать номер телефона... И с болью понимаю, что эти выдающиеся люди – уходящая эпоха, невосполнимый пласт культуры. Может быть, общие слова. Но об этом не споёшь, как английский рожок.

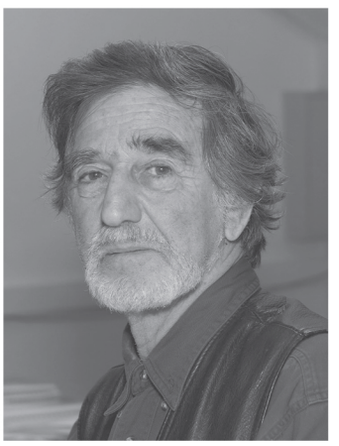
Лада Баумгартен: Как вы можете охарактеризовать себя в нескольких словах и о чем мечтаете?

Марина Карио: Я тот, кто задаёт вечные вопросы и ищет ответы в самом своём существе. А мечтаю о том, чтобы не было войны, ведь пришло время любить.

(Стихотворения Марины Карио представлены в «Поэтическом салоне» стр. 32-35).

ВЛАДИМИР РАЙБЕРГ
ВЫСОТЫ. МАЙН ИДИШЕ МАМЕ*

*Волт зи гэлофен фар ир кинд** (еврейская песня)*



«Терпеть от женщины, в истерике режущей твоё лицо острыми ногтями, – это испытание из испытаний. Сохранять смирение и чувствовать её истерзанную душу и безысходность, когда ты не виновен в трагедии, из которой сам еле вышел, – это двойное испытание. И думать в то же время, как глаза уберечь от острых ногтей, – от этих охранительных мыслей тоже не избавиться. Я всё понимал и стоял перед ней, не пытаясь защититься, лишь делал слабую попытку усмирить, обнять худенькую, маленькую женщину, мать моего боевого друга. А она кричала сквозь слёзы:

– Почему ты?! Почему ты, а не мой сын!? Ты ведь уцелел!

Передо мной на мгновение воскресал тот короткий бой, в котором мы с её сыном ещё были вместе. И до сих пор тот бой не утих. Я даже не успел сбросить с плеча вещмешок. Перед тем, как постучаться в дверь, я готовил утешительные слова, но все они вылетели из башки, словно где-то рядом грохнул артиллерийский залп. Мне казалось, что это никогда не кончится. И мне, и её сыну Михаилу Берковичу, моему тёзке, и сотне других солдат, выползших из каменоломен, дали шанс загладить вину, которой за нами не было. Немцы оказались проворнее, вышибли нашу армию, отрезав нашей роте путь к отступлению. Мы были им нужны только мёртвыми. Но ведь мы не были в плену и не собирались сдаваться. Нас, конечно, фашисты заботливо окружили колючей проволокой в несколько рядов. Мы попали в окружение, сопротивляясь как могли. Но выше смерти не было платы. Нас не гнали под конвоем в сопровождении овчарок. Мы были отрезаны от внешнего мира, но не озлобились, не впали в уныние, сплотились. За ведро воды смельчаки, рискнувшие проскочить к колодцу, платили жизнью. Вскоре фашисты взорвали колодцы. Нас травили дымом и газами, взрывали и устраивали завалы. Мы воду собирали по каплям, сочившимся с потолка. Раненым выдавали по одной столовой ложке в день. Немцам мы особо не мешали, но портили их авторитет перед высшим командованием.

Были всем известные Аджимушкайские каменоломни, но были и другие, не прогремевшие, а тихо умолкшие. А для немцев вроде как заноза или бельмо на глазу. Мы отвыкли от дневного света. Когда с боями вернулась наша армия, мы не вышли из подземелья, а выползли из мрака и увидели вокруг те самые ряды заграждений из колючей проволоки. Мы увидели белый свет как победители, но нас приговорили,

* Моя еврейская мама (идиш).

** Хочет помочь она своему ребёнку.

как попавших в окружение, к штрафной роте. Но дали возможность оправдаться ценой крови, как это было заведено. Мы должны были штурмом взять высоту, на которой основательно закрепились фашисты. И всё-таки была надежда: вражеская пуля могла миновать, но мы знали, что не минует пуля залёгшего позади нас заградительного отряда. Мы были на виду с двух сторон, и не одна не сулила пощады. До каменоломен и там, в подземелье, мы с Мишкой держались вместе. И вместе пошли в атаку…»

Владимир Шматов, прораб, наш коллега, прервал рассказ, запахнул больничный халат, скрыв белую ношеную рубаху без пуговиц и спросил:

– Ну что, пацаны, принесли?

Мы знали о чём речь. Иван Ильич Тайдаков, мой непосредственный и первый в моей жизни начальник, старший прораб, утвердительно кивнул (о чём, мол, речь, мужики!) и достал из сумки заветную «чекушку», 0.25 л. Мы трое сидели на скамейке во дворе «Склифа», Института Склифасовского. День был светлый, солнечный. За решётчатой ажурной оградой трезвонило Садовое кольцо. Торопились «Букашки» – троллейбусы под номером «Б». Москвичи любят величать транспортные средства ласковыми именами, которые начинались с номера троллейбуса, автобуса или трамвая.

Мы с Иваном Ильичом пришли проведать коллегу, попавшего в больницу с язвой желудка. По народному поверью и по душевной потребности водка считалась самым безопасным продуктом и лучшим лекарством для язвенников. Так им хотелось. Ещё бы, ведь на этикетке было написано «Министерство пищевой промышленности», стало быть, принесённое – пища, а по совместительству – снадобье. А норма приёма простая: квантум сатис***, а по-народному – «сколько схватишь».

Мы осмотрелись вокруг, не приглядывает ли за нами медсестра со снайперским прицелом. Шматов погладил бутылочку, словно приласкал её, голубушку. Первым отпил половину экономичной бутылочки карманного издания, держа большой палец на невидимой отметине, и передал Ивану Ильичу. Тот опустошил до дна и достал из сумки ещё парочку. Больной потуже затянул свитой в жгут пояс казённого халата, а Тайдаков сунул передачу ему за пазуху.

«…Началась атака, – продолжил рассказ Шматов, – если можно было так назвать ползущих в темноте штрафников. Выждав, пока прожектор прощупывал другие участки высотки, мы вскакивали и, полусогнувшись, припадая к земле, успевали сделать короткие перебежки, хоть немного приближаясь к вершине. Нас обнаружили, и началась непрерывная пулемётная стрельба. Пули ложились веером. Прожекторы слепили глаза. Мы рвались к вершине. Кто-то ведь должен был уцелеть. И я оказался в числе счастливчиков. Мы забросали немцев гранатами. Живые, заслужившие оправдание, обнялись. Да кто думал об этом, главное – живы. Где-то должен быть мой Беркович. Я нашёл его неподвижно лежащим ничком. Отыскал у него капсулу, в которой хранилась записка с его именем и домашним адресом.

Вышло нас из подземелья немного, а после атаки стало ещё меньше. Начальство сдержало слово: дало три дня отпуска. Свобода и мы оправданы! А мне куда идти? За эти три дня мне не добраться до своего дома, а вот посёлок Михаила недалеко. Где пёхом, где попутками, в кузове или на подножке полуторки, – и вот я возле одноэтажного частного домишки с серым дощатым забором. Постучал в калитку. На стук вышла пожилая, сухонькая женщина и бросилась ко мне, видимо, ожидая, что и её сын где-то рядом. Я молчал с минуту. Язык прилип к гортани. Она заволновалась, стала выглядывать из-за меня на дорогу. Надеялась на добрую весть и ждала появления сына. И когда я мучительно выдавил из себя:

– Миша погиб… – она бросилась на меня, тряся иссохшими, острыми кулачка-

*** Квантум сатис (латынь) - сколько потребуется.

ми. Этот крик: «Почему ты, а не он?!», до сих пор я слышу. Помню комнату, в которую, немного придя в себя, пригласила убитая горем мать. От порога к столу лежал потёртый половичок. Всё прибрано. Горка с посудой. На столе в центре комнаты вазочка на салфетке. Над столом оранжевый абажур. Иконы, как обычно в российских домах, не было. И не могло быть, это я сообразил позже. И тоска ожидания. Она чувствовалась в каждой мелочи, или мне это показалось. Женщина отрешённо уселась на стул, сложив руки на колени. Я был и не был для неё. Ни слёз, ни всхлипывания, словно в первые минуты встречи горе опустошило её. Оставаться в доме погибшего друга я не мог, был бы напоминанием и горьким упрёком для неё. Время моего отпуска не закончилось. В запасе два дня. Выгрузил из вещмешка две банки консервов, чёрные сухари, кулёчек сахара, тихо попрощался и вышел. Пока не добрёл до поворота, мне всё казалось, что женщина смотрит мне вслед, прожигает мою шинель взглядом, от которого не увернуться. Хочет что-то крикнуть – не ошибся ли я... Меня знобило, я сгорбился, чувствовал её взгляд, хотя она не вышла меня провожать, так и осталась сидеть в комнате.

В части встретили меня с удивлением, но допытываться не стали. Я уже был не судимый, и мне предстояло теперь рисковать не ради оправдательного приговора, а ради жизни свободного человека. А воевать ещё предстояло не один год. Но этого я, конечно, не мог знать тогда. Этот срок я уточнил и подытожил задним числом, в День Победы. Такие дела...»

Мы помолчали. Шматов мимоходом спросил про работу:

– Как там у вас дела?

– Да всё нормально, Володя, лечись, – между собой они называли друг друга по имени.

– Понял! Спасибо, мужики, за лекарство, – Шматов любовно погладил халат там, где за пазухой цокнули бутылочки, – я пошёл. Скоро обход.

Работа работой, но в большей степени их связывало боевое братство. Оно было незримо, по умолчанию, по-иному, чем для моего поколения. Лихачества в их поведении я не наблюдал. А перед кем, собственно говоря?! Среди рабочих ветераны были через одного. А наш «кадровик» вообще вернулся с войны без одной ноги. Ходил с палочкой, потрескивая протезом. Все ветераны были, как говорят, свои в доску. Собравшись в коридоре, шутили, смеялись. Кадровик напоминал послевоенный обелиск: мощная шея, широкоскулое лицо, нависающий лоб. Мог ткнуть палкой в проходящего: чего, мол, не здороваешься. Тот вздрагивал, а в ответ – хохот. Портретом Ивана Ильича служил его монотонный голос. В лице было ровно столько, чтобы воспроизводить этот голос. Аккуратно зачёсанные набок редкие волосы. Круглый носик. Фигура сутуловатая, может быть, от ношения всю войну кабельной катушки. Документы носил в пластиковой папке на молнии. Напоминал совслужащего. Казалось, на призывном пункте ему сказали: ты поноси катушку, пока война, а после опять прорабствуй.

Шматов покрупнее, басовитее, мощнее, с запоминающимся коротким жёстким ёжиком. Мы расстались. Больной, снабжённый «лекарством», отправился в корпус за таблетками, а мы вернулись на рабочее место. В контору. Слово «офис» тогда не было в ходу. А много позже я прочитал в журнале «Юность» повесть об Аджимушкае, словно был снят секрет об этом героическом эпизоде войны. Для многих он был действительно эпизодом, а для меня он воплотился в живого человека. Публикаций было много, но намного позже того дня, когда я услышал рассказ Шматова. Воспоминания участников войны хлынули, и песня об Аджимушкае гремела в исполнении ансамбля Александрова. Во дворе «Склифа» для меня открылось то, что не проскочило ни в одной публикации: цена жизни. Вместо слов победы цокнули «чекушки» за пазухой прораба. Многое я услышал тогда из уст ветеранов, и не только от Шматова. Меня регулярно присоединяли к ветеранам войны разных родов войск. Я был как переходящий приз с гитарой, сопровождал ветеранов по местам

боёв. Это были конники генерала Доватора и танковая бригада, в которой тёща служила операционной медсестрой. И даже на одной из встреч видел отца Владимира Высоцкого. Досталось же ему тогда от «окопников», в лицо называвших его «штабной крысой» и хватавших его «за грудки». Тут уж речь не шла о субординации. Оба прораба были ровесниками. В пылу откровения, Иван Ильич, ещё до встречи со Шматовым, рассказал о себе, когда в конце месяца мы с ним закрыли наряды на рабочих, свободно вздохнули от ежемесячной писанины и подгонки под средне-суточную зарплату. Получка лежала в кармане. Впереди выходные.

– Ты, Семён, – обратился ко мне прораб, – в кино видал связистов, тех, что держали в зубах два конца перебитого телефонного кабеля? А для меня это кино длилось всю войну. Часами лежал на снегу. У меня с войны туберкулёз. Но, как видишь, работаю! А куда деваться!? Такая награда. Слышал про наркомовские сто грамм? Было не сто, а иногда побольше. Прости меня – пью. Сам себе обещаю: завяжу! Но последнего раза не получается. Ничего не могу поделать. Семён, бери от меня только хорошее.

И было что брать: обязательность, исполнительность и удивительно дружеское отношение ко всем. И он пил. Это были запои раз в месяц. Неминуемые и тяжкие. Я покрывал его отсутствие на стройке, хотя более высокое начальство наверняка было в курсе дела. На ветеранах тогда всё держалось, и были они среди нас через одного. Сорокалетние, и постарше, и помладше. Некоторые донашивали гимнастёрки с военных лет. На стройке всегда отводилась комната, в которой пол посыпался толстым слоем опилок. Там хранились банки с красками, кисти, разбавители. Вот в ней Иван Ильич и приходил в себя, добавлял и похмелялся. Отсыпался. Объектов было много, в разных концах Москвы, где-то ремонт, где-то новое строительство, а прораб, словно оперный герой: Фигаро там, Фигаро здесь! И мне легко было отвечать на вопрос: где Тайдаков, – называть какой-нибудь адрес, где его явно не было. Ключ от комнаты, где находился Иван Ильич, был у меня в кармане.

Решения особых жизненных задач я перед собой не ставил. Плыл по волнам. Обкатывался, обстругивался по ходу дела. Вечером шёл на лекции в институт. Часто на первой паре, после беготни по объектам, засыпал и просыпался от удара лбом о спинку впереди стоящего стула. Горизонты жизни – да они были. Вот сдам «Начерталку» и свободен. Сдал «Начерталку», следом Сопромат. На стройке жизнь – особый жанр. Это не привычный домашний уют: тепло, светло и тапочки у порога. Ты, нашпигованный высокими помыслами, эпиграфом к которым можно поставить слова известной песни: «Прежде думай о Родине, а потом о себе!», являешься на стройку. А тут контрасты: есть одержимые в работе, а есть откровенные лодыри. Есть всенародный праздник «День получки». Он не отмечен красным числом, но празднуется чаще, чем День конституции, ровно двенадцать раз в году.

Я три года отработал в строительной организации и пошёл в армию. Меня провожали мои боевые прорабы – ветераны. Как обычно отмечали проводы на работе, а потом уже с родными и близкими повторяли дома. Мама роняла слёзы. Папа, прошедший войну, на это смотрел, как на нормальный ход событий. Мама – иначе, на то она и мама. Майн идише мама! Твой старший сын, который старше меня на 13 лет, вернулся с войны, израненный, но вернулся. Младший, это я, – завтра в путь-дорогу, но не на поле боя. Мы все живы, так тому и быть!

Накануне проводов мы с другом купили алюминиевую, эмалированную кружку, и он сфотографировал меня на фоне скульптуры пролетария, возносящего мощной рукой космический сверкающий спутник с четырьмя хвостами антенн. Я повторил порывистое движение скульптуры, но спутник заменила кружка. Памятник стоял и стоит перед вестибюлем станции метро «Мир» на проспекте Мира. А для меня – тук-тук, тук-тук, тук-тук – стучат колёса, впереди новая жизнь.

ПУТЕШЕСТВУЕМ С АЛЬБИНОЙ:
ПЕСНЬ САНТЬЯГО

«Песнь Сантьяго» – так называется стихотворение Пабло Неруды. Помните его начало: «Не отречься мне от моей колыбели, город-кормилец»... Насчет кормильца всё точно. Ещё на подлёте мы увидели сотни гектаров технологических деревень, прилегающих к городу. А теперь, вдоль дороги из аэропорта вереницами тянутся коробки цехов. Наш гид говорит, что это всё «мелочь», предприятия текстильной, обувной и пищевой промышленности, и что в Сантьяго есть «дичь» посерьезнее – фабрики и заводы химической, фармацевтической, целлюлозно-бумажной, металлургической, электротехнической и машиностроительной индустрии, которые мы отсюда не разглядим, зато почти наверняка прочувствуем смог, висящий над городом, потому что почти половина всего ВВП страны производится именно в столице.

К счастью, гид не угадал: все три дня нашего пребывания, отлётов и возвращений мы наблюдали, как «отшельницы-горы», будто «голые снежные статуи», подпирают пронзительно-голубое, почти всегда безоблачное небо. А под ним бурлит и трудится город. Ранним утром, когда солнце упрямым скалолазом ещё только взбирается на вершины шеститысячников, чтобы осиять оттуда земную жизнь, зарождается шелест автомобильных шин и робкое ворчание моторов, нарастающее с каждой минутой. Улицы быстро приходят в движение: плотным потоком «течёт» по ним транспорт, дружно тормозя на светофорах, чтобы пропустить толпу спешащих к метро взрослых и детей. На пешеходных зонах выстраиваются лотки с фруктами, напитками, чуррос, эмпанадас и прочими готовящимися тут же вкусностями, которые раскупаются и поглощаются на ходу. Рассиживаться за столиками некогда: безработица в Чили всего около 7 %, а в шестимиллионном мегаполисе еще ниже.

К восьми улицы пустеют. Школяры корпят в сотнях школ и гимназий. Грызут гранит наук студенты пяти университетов. Рабочие стоят у станков и машин, служащие сидят у компьютеров и принтеров, обслуживающие – крутятся вокруг клиентов, котлов и вёдер с тряпками. Изредка пробежит из офиса в офис клерк в форменной одежде, или приткнёт у подъезда свой бесшумный моторроллер доставщик еды. Все заняты делом. Праздно шатаемся только мы – туристы. Заглядываем в метро. Ну, так себе. Гораздо чище, чем в европах, но никакого сравнения с шиком московского. Останавливаемся возле здания Фондовой биржи. Оно носом гигантского корабля рассекает перекрёсток, образуя «кривое русло проулка, сбежавшего... от строгой... геометрии». Четырехэтажное строение,

объявленное Национальной ценностью Чили, возведено в стиле французского ренессанса, украшено множеством мелких деталей и двойными колоннами. Символом биржи считаются расположенные под куполом часы: они тикают, денежки «капают», а мы, подчиняясь оговоренному плану, топаем дальше.

Идём и поражаемся количеству зелени, в котором тонут каменные дома колониальной застройки. Неруда справедливо назвал свой город «зелёной шхуной». Но напрасно мы ищем вьюнки на свежих газонах: на их корнях выросли и «раскрылись бутоны зданий». И это здания делового и финансового центра. Их сплошные стеклянные стены возносятся к самому солнцу и ослепляют нас его отражением. Шейные позвонки хрустят, запрокинутые вверх головы кружатся: Торре Телефоника Чили – 143 м., Костанера Центер – 166 м., Титаниум Ла Портада – 194 м., Гран Торре Сантьяго – 300 м. Лихой перепляс форм: пирамиды, башни, «паруса», «офицерские фляжки», «карандаш», «сигара», «фломастер»... Обычные жилые кварталы выглядят тоже очень современно и совсем не скучно. Чтобы охватить всё единым взором, садимся в автобус и поднимаемся на 860-метровую вершину холма Сан-Кристобаль. Это он над уровнем моря 860 метров, а над городом всего 300. Потому и холм. Но канатной дороги, фуникулера и чарующего вида с него это не отменяет. «Убелённые дикой солью» Анды на заднем плане. Морские узлы дорожных развязок на переднем. И бесконечное море деревьев и зданий посередине. В общем, имеет смысл, что вьюнки «не до конца умирали», а «взмывали домами». «Не забыть мне кровель Мапочо», – сказал Неруда. И мне они теперь будут сниться. Да и Мапочо – тоже. Это речка-река, в долине которой жили не тужили инки, пока в декабре 1540 года сюда из Перу не прибыли испанцы под предводительством Педро де Вальдивии, который 12 февраля следующего года основал здесь город, названный в честь покровителя Испании, святого Иакова. Другой Педро, де Гамбоа, по гипподамовой системе спроектировал «прямизну... прямоугольников» городских кварталов и Оружейную площадь с домом губернатора, тюрьмой и собором. Но... гладко было лишь на бумаге, а на деле в сентябре 1541-го Вальдивия отправился на Арауканскую войну, а инки – в Сантьяго, чтобы разорить его. В результате собор был построен лишь через 20 лет. Только его освятили, случилось сильное землетрясение. Следом – наводнение реки Мапочо. Через пару лет страшный пожар. И так далее. Стоит ли удивляться, что, стоящее сегодня на месте того «первенца», здание – уже пятое по счету.

Кафедральный собор Успения Пресвятой Богородицы – главный храм католи-

ческой церкви Чили. Несмотря на то, что нынешнее сооружение достаточно устойчиво к природным катаклизмам, сильное землетрясение 2010-го повредило его. К концу 2014-го ремонт был завершён, леса убраны, и сегодня мы имеем возможность рассмотреть собор со всех сторон. Выполнен он в смеси тосканского и римского стилей. Две башни разделяют верхнюю часть фасада, на котором установлены скульптуры Св. Иоанна, Девы Марии и Св. Роха. Цилиндрический свод крыши держится на опорах. Внутри собор очень просторный. Потолок в проходах состоит из небольших куполов, разделённых друг от друга арками. Всё пространство украшено лепниной, фресками, иконами и позолотой. Орган, две кафедры и алтарь изготовлены из красного дерева. Есть, разумеется, и склеп с останками всех епископов и архиепископов, но мы не рискнули беспокоить прах святых отцов, вышли на Оружейную площадь и поинтересовались у гида – почему она так называется. Оказалось, что при Педро де Вальдивии здесь базировались военные со всем своим арсеналом. Ничего этого теперь на площади нет, зато есть Главпочтамт – бывшая резиденция президента, белоснежная, под синей крышей, с фигурными решетками на первом этаже. Украшенное изящной башней с часами импозантное здание Королевской Аудиенции, в котором сейчас находится Национальный исторический музей. И скромный желто-белый Муниципалитет – некогда дом самого основателя города. А вот и его конная статуя, воздвигнутая в честь празднования 150-летия независимости страны. Очень мощная скульптура. Особенно жеребец. На ступеньках вокруг постамента сидят старушки с отнюдь не европейскими чертами лица. Мальчишки, их внуки, с упорством, достойным применения на уроках математики, лезут на возвышение, хватаясь за конские копыта. Издалека всё выглядит так, будто жеребец топчет детей. Что-то никак не возьму в толк, почему к юбилею независимости нужно ставить памятник покорителю-конкистадору? Неужели более подходящего случая для «бронзового конника» не нашлось? Другая странность – так называемый «Monumento Indio» – памятник, посвящённый коренному населению Чили. Замечательно, что о мапуче наконец-то вспомнили. Настораживает иное: у индейца отсечена четверть лица слева и четверть снизу. Не копытом ли того могучего коня, которым управляет европейский колонизатор?

За размышлениями незаметно подкрались жара и время обедать. Улицы снова заполнились не только туристами. Трудовой народ тут же рассредоточился по одному ему известным харчевням, где кормят дёшево и сердито. Нас же, повинуясь обязательной программе, повели на Центральный рынок, где всё наоборот: дорого, долго и могло бы быть и вкуснее. Но одно преимущество всё же нашлось – там красиво, что для рынков весьма не характерно. Ажурные решётки Петербурга помните? Так вот, арки, ворота и потолок внутри здания при-

близительно в таких же кружевах. А над аркой главного входа ещё и парочка мифических богинь возлежат. Левая – с оливковой ветвью в одной руке и рогом изобилия в другой. Это Конкордия – богиня согласия и супружества. Красавица, естественно. Попробуй уродиться дурнушкой, коли твои родители Марс и Венера. Справа прилегла, умаявшись в теплицах и на скотном дворе, богиня плодородия Церера. Одна её длань полна плодов и винограда, другою ласково треплет холку бычку-двухлетке. Церера не могла вынести вида голодного ребёнка, а ресторанные зазывалы не могут вынести вида не охваченных общественным питанием туристов. Вот так «тонко» мифология переплетается с сегодняшним днём... Нас, после того, как мы подробно ознакомились с рыбным ассортиментом рынка, тоже «охватили».

Потом мы гуляли по городу. Возле памятника Мануэлю Монту и Антонио Варасу. Услышали от гида, кто они такие. Первый был президентом с 1851 по 1861 годы. Второй в это же время возглавлял Сенат и всячески поддерживал первого в реформаторской деятельности. Вместе они сделали для страны много полезного. И памятник этот не личностям, а единой политике во благо Отчизны. В назидание не только чилийцам, надо полагать. Дошли и до той самой главной и самой длинной улицы Сантьяго, о которой Неруда сказал: «Аламеда – сердце моё». Узнали, что официально она называется проспектом Бернардо О'Хиггинса и о том, что О'Хиггинс – национальный герой Чили, руководитель борьбы за независимость испанских колоний Южной Америки и Великий маршал Перу. В 1813-1814 гг. командовал войсками патриотов, но в битве при Ранкагуа потерпел поражение и отступил в Аргентину, где присоединился к освободительному движению Хосе де Сан-Мартина, вместе с которым подготовил Андскую армию, разгромившую испанцев в 1817 году. А первого января следующего года, будучи Верховным директором Чили, подписал Декларацию независимости Чили. Потом упразднил колониальные налоги, основал государственные начальные школы. И всё было бы хорошо, если бы не оппозиция, которая, как та Баба Яга – всегда против. В 1823 году она «выдавила» О'Хиггинса. Он перебрался в Перу, где тоже сделал немало в борьбе за её, Перу, независимость.

«Вечерние сумерки цвета печального кофе» застали нас врасплох и напомнили о том, что завтра утром мы улетаем на юг. Поужинав и упаковав чемоданы, я отодвинула штору и посмотрела с верхнего этажа отеля на город. Огни давно уже зажглись, и Сантьяго «мерцал огромной звездой». А где-то вдалеке, там, где «звезда» превращалась в туманность, угадывался «бредовый хаос камней», из-за которого завтра снова взойдёт солнце.

Альбина Гарбунова,
член МГП

Ташкент-Бухара-Самарканд

«НА ЗЕМЛЕ ЗАРАТУШТРЫ»

Культурологическая ассамблея

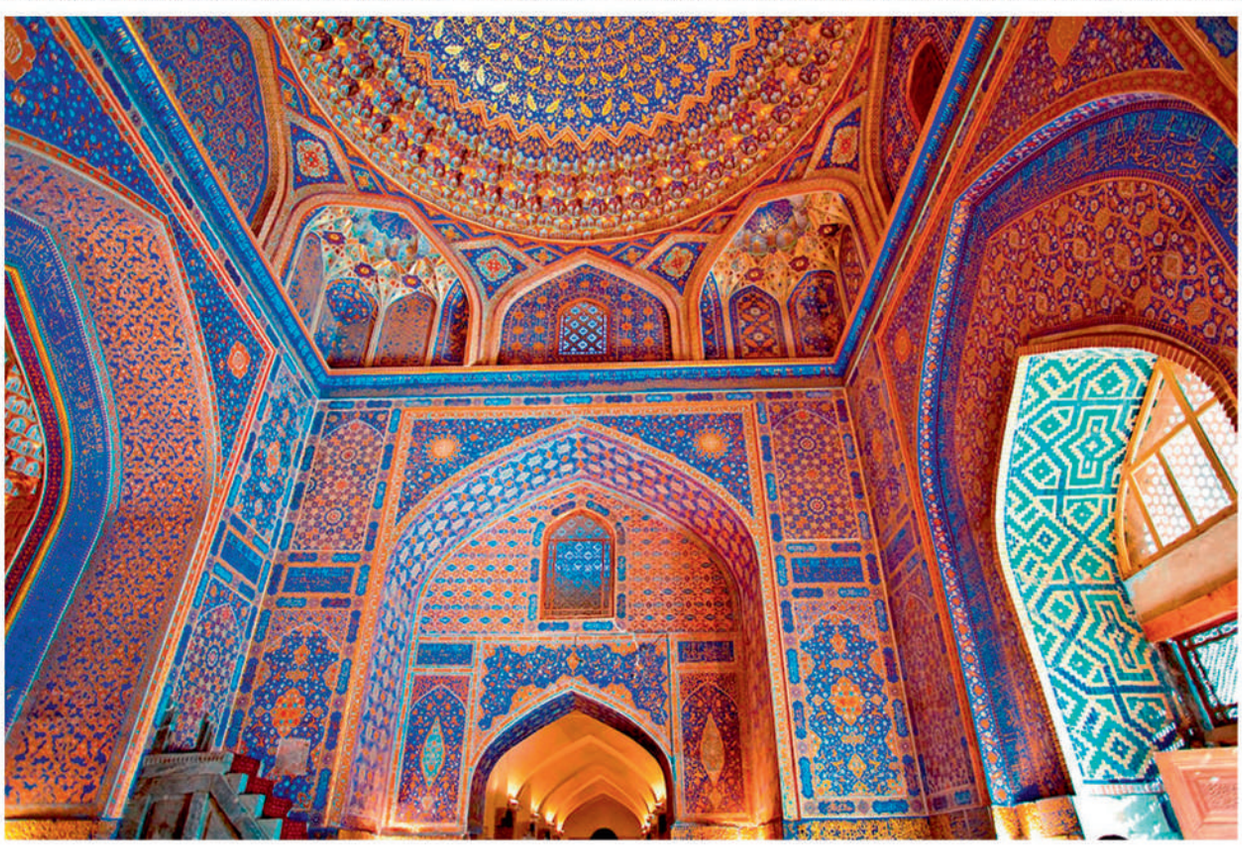
26 августа – 1/3 сентября

Узбекистан – яркая и одухотворенная страна Востока. Сосчитать все мечети, медресе, мавзолеи и минареты в этом государстве просто невозможно. Также невозможно передать и их красоту. Это надо увидеть. Через Узбекистан проходило множество дорог Великого шелкового пути. На этой дороге богатства и соприкосновения культур вырастали узбекские города. Ташкент, Самарканд, Бухара усеяны волшебной архитектурой, они пленят каждого, кто увидит их хоть раз в жизни. Можно бесконечно описывать святыни и цитадели Узбекистана, но, кроме того, он еще богат природой, радушием и гостеприимством. Мы приглашаем всех желающих присоединиться к делегации МГП, отправляющейся в эту солнечную страну.

В программе культурологической ассамблеи

Встреча писателей в Союзе писателей Узбекистана. Торжественное награждение победителей предварительных творческих конкурсов. Знакомство членов МГП с членами СП Узбекистана. Обмен книгами и возложение цветов к памятнику Алишера Навои. А еще соревнование чтецов в Гете-институте, театрализованные представления, творческие презентации, литературные чтения, мастер-классы, встречи с творцами Узбекистана разных городов, арт-тренинги, медитации и релакс. Конечно же, экскурсии по самым древним и знаменитым городам Ташкенту, Бухаре и Самарканду, мы увидим древние петроглифы, полюбуемся водопадами и горными массивами, посидим под старыми чинарами и отведаем настоящий узбекский плов.

ПОДРОБНАЯ ИНФОРМАЦИЯ НА САЙТЕ
WWW.INGILD.COM



ПЁТР ХОТЯНОВСКИЙ
ГЕОЛОГИЯ И ЛИТЕРАТУРА

Моисей Борода: Начнём, как говорится, ab ovo (в плане литературы). Ты по (первой) профессии геолог. К часу нашей беседы ты – автор отличной прозы (за которую стал «автором года-2018» на известном русскоязычном литературном портале «Семь искусств») и соавтор с Ингой Гаручава, твоей супругой, создавший более тридцати пьес, шедших в престижных театрах в СССР, поставленных в Париже, и пр. Как получился у тебя «прорыв» в литературу? Согласись, что между геологией и литературой – геологическая эпоха. Было ли это «писал стихи в детстве, потом бросил, перешёл на прозу» или...?

Петр Хотяновский: Нет, в детстве ни стихами, ни прозой я не грешил. Мой старший брат – да. Он частенько школьные сочинения писал стихами, был, не в пример мне, отличником и не доставлял никаких хлопот родителям. Чем я не могу похвастаться. Первый и единственный стих я посвятил девице, которую пытался соблазнить. Не знаю, то ли она мой творческий посыл не оценила, то ли меня, но стихи в качестве «Троянского коня» общения с прекрасным полом я больше не использовал.

Моисей Борода: И правильно сделал. Для таких целей, как говорят, лучше всего годится не собственное творчество – каковое в юности, как правило, средней, если не начальной степени зрелости – а классика. Тут к услугам гораздо более качественный товар, позволяющий показать образованность, тонкий вкус и прочие достоинства.

Петр Хотяновский: Ну что-то в этом роде. В общем, собственной литературой в этом возрасте и не пахло. Что касается связи «геологии» с «творчеством», в широком смысле, тут, на мой взгляд, прослеживается прямая зависимость: оба эти занятия содержат в себе значительную долю романтического представления о жизни и мироустройстве. Именно поэтому некоторые геологи и люди других профессий – совсем не неожиданно – реализуют свой «изначальный» романтизм в творчестве. В качестве примера могу привести всемирно известного композитора Гию Канчели – недавно его не стало – и не менее известного кинооператора, лауреата Ленинской премии, Ломера Ахвледиани; оба по первому образованию геологи. Забегая вперед, хочу сказать, что музыку к нашему

фильму «Земля отцов наших» и к спектаклю «Рождения планет» написал Гия Канчели. Если поковыряться, то в российской творческой интеллигенции можно накопать не один десяток таких «перебежчиков».

Моисей Борода: Интересное наблюдение. Ну а конкретно что толкнуло именно тебя в эту сторону?

Петр Хотяновский: Что касается «прорыва» в драматургию и литературу: никак не планировал. Под творческий «каток» я попал совершенно случайно. Инга, моя будущая супруга, «наехала». Начну с того, что я и Инга, оба тбилисцы, жившие в 15 минутах ходьбы друг от друга, познакомились в Москве. В Тбилиси, как нынче выражаются, мы крутились «в разных тусовках»: Инга – в молодой «оттепельно-литературной». Литературный кружок, в котором она состояла, привлек внимание КГБ, руководителя осудили и сослали, остальных строго предупредили.

Моисей Борода: Ну это как водится. Великий вспоминатель «Малой Земли», лауреат Ленинской премии, носитель максимально возможного количества орденов, довёл страну, вкупе с соавторами проекта, до полного застоя, и книга Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984-го года» была просто констатацией факта. Факт болезни нужно было скрывать от собственного населения изо всех сил, и Контора Глубокого Бурения под руководством незабвенного товарища Бобкова бурила денно и нощно. (Впрочем, объективности ради, надо отметить, что уже в первые годы Брежнева – после переворота 1964-го года, когда сняли Хрущёва, и к власти пришла давно её дожидавшаяся новая элита – начало греметь: вспомним процесс Даниэля и Синявского). Ну и – кого под каток, кого нет – это уж решал, может быть, вовсе случай. Может быть, Ингу спасло то, что она уехала с тобой в Тбилиси. Повезло. В Грузии, как я знаю, «Контора» действовала много-много мягче – какое сравнение с центром!

Петр Хотяновский: Ну ты идеалист! Впрочем, в отношении везения – может быть, так оно и было. Я хорошо был знаком с творчеством «самиздата», у меня до сих пор хранятся раритетные его образцы. Смешно, что за хранение Набоковского «Дара» или «Лолиты» можно было получить реальный срок. За анекдоты тоже не жаловали. Мне нравились про «Бровеносца в потемках» и про «Живее всех живых» и мавзолейного жителя. Что до тусовок – я был в другой тусовке: горнолыжников, скалолазов, альпинистов и любителей рискованных приключений.

Моисей Борода: Ну насколько я тебя знаю, ты таким в какой-то мере остался. Об этом – позже.

Петр Хотяновский: Затравка для читателей?

Моисей Борода: Почему нет? Но возвратимся к творчеству. Твой жизненный и творческий союз с Ингой – поэтом потрясающей одарённости, уже в пору вашего знакомства состоявшимся поэтом – счастливый и редкий своей гармонией союз двух творческих людей продолжается фактически и сейчас, после её безвременной кончины. Но началось ваше знакомство совсем не безоблачно.

Петр Хотяновский: Ну «не совсем» подходит больше, чем «совсем не». Наша первая встреча: студентки режиссерского факультета ГИТИСа и студента геологического факультета МГУ произошла в Москве на квартире моего старшего друга, альпиниста, писателя и сценариста Вадима Михайлова. Я, только что вернувшийся после трёхмесячного «ползания» по горам, с язвами на руках от укусов комаров, пошел варить кофе. Когда я вышел на кухню, Инга, как мне рассказал потом Вадим, оценив мой вид, заявила: «Я не буду пить кофе, сваренный руками этого сифилитика».

Моисей Борода: Вот так – прямо, коротко и чётко. Но почему вдруг «сифилитик»? Не совсем стандартное впечатление от мимолётного знакомства.

Петр Хотяновский: Дело в том, что незадолго до этого она убежала из общежития театрального института на Трифоновке, где были зафиксированы случаи сифилиса.

Моисей Борода: В общем, пить кофе, сваренный руками «этого сифилитика», Инга не стала. Но знакомство всё же состоялось, и впечатление она произвела глубокое с первых же минут?

Петр Хотяновский: Помнишь, у Высоцкого была песенка про Марину Влади: «Ну что с ней говорить, она живет в Париже, с ней сам Марсель чего-то говорил». Инга жила в Москве, и с ней «чего-то говорил» – Андрей Тарковский, ей посвящал мадригалы Андрей Волконский, шахматные партии – Борис Спасский, дружила с режиссером Петром Фоменко, который стал и моим другом, ну и т. д.

Моисей Борода: Хорошо, и как же складывались отношения дальше?

Петр Хотяновский: Тут немного истории. Руководителем Ингиного курса в ГИТИС-е был Алексей Дмитриевич Попов, худрук Театра Армии, Народный СССР и лауреат всех главных Советских премий, он предрекал Инге небольшое будущее в режиссуре, но разглядел в ней талант писателя, о чем и написал в ее записных книжках. Для большой режиссуры помехой стали несколько обстоятельств. После смерти А. Д. Попова поменялся руководитель Ингиного дипломного спектакля, с которым она не нашла общий язык. И была права. Она ставила пьесу Чаковского «Свет далекой звезды», с Андреем Поповым и Добржанской в главных ролях. Премьера вышла одновременно с премьерой этой пьесы во МХАТ-е. В журнале «Театр» в 1965 году вышла большая рецензия, где Ингин спектакль очень хвалили, а мхатовский разнесли в пух. Честно говоря, пьеса была слабенькая, Инга, с согласия автора, ее переписала, а МХАТ поставил по тексту. Из-за конфликта с руководителем постановки Инга отказалась от следующей постановки в театре и уехала со мной в Тбилиси. Большая карьера в режиссуре у нее не сложилась, хотя несколько спектаклей по своим пьесам мы вместе поставили, но будущее драматурга, писателя и поэта – состоялось.

Моисей Борода: То есть знакомство с тобой её все-таки впечатлило?

Петр Хотяновский: Тут, может быть, совпало многое – в частности, и то, что тяжело заболел её отец (Инга сама из Тбилиси). Ну а что касается меня и впечатления – студент МГУ, будущий геолог, поначалу не привлек ее внимание, но, когда Инга узнала меня поближе, «венерические» страхи ушли и, оказавшись в одно время со мной на каникулах в Тбилиси, она предложила мне написать киносценарий.

Моисей Борода: Как говорится: О-оп! Умеешь-не умеешь плавать – полезай в воду (океанскую притом).

Петр Хотяновский: Да, что-то в таком роде, аналогия близкая. С таким же успехом мне можно было бы предложить решить теорему Пуанкаре, но «Троянский конь» во мне шепнул: «Соглашайся, а там как получится».

Моисей Борода: Сказался опыт тусовки любителей острых приключений!

Петр Хотяновский: Не без этого. Но – получилось! Первый сценарий – «Такая долгая ночь» («Киностудия Грузия-фильм», 1964 год), был куплен сразу. Получилось создать не только творческий, но и семейный союз, который продлился сорок семь лет и завершился быстро и неотвратимо.

Получилось написать и поставить в театрах, в кино, на телевидении и радио

более тридцати пьес и сценариев. А также семь спектаклей по нашим пьесам шли в Московских театрах: Советской Армии, им. Станиславского, им. Пушкина, Театре Наций, Современнике, Театре музыки и драмы Стаса Намина, Телетеатре канала Культура. Четыре пьесы – в Санкт-Петербургских театрах. Из семи пьес, поставленных в Тбилисских театрах, три поставлены на сцене Марджановского театра. Четвертая пьеса для этого театра, написанная специально для блистательной актерской пары – Отара Мегвинетухуцеси и Гурады Габуния, к сожалению, не дошла до сцены, репетиции прервали из-за болезни и смерти Отара. На пространстве бывшего СССР и нынешнего ближнего зарубежья наши пьесы поставлены в десятках театров. Три киносценария получили призы на конкурсах в Америке «Хартли-Меррил прайз», институт Р. Редфорда, в г. Сандансе, Приз «Эйзенштейна-Геминифильм», в Москве. Первый приз Всемирного конкурса радиопьес БиБиСи и постановка спектакля по пьесе «Мистификатор» в Лондоне. Пьеса «Мистификатор» только в Петербургском театре «Комиссаржевской» не сходила со сцены 10 лет и выдержала 200 представлений. Американская киностудия AFL prodakchn выкупила у нас права на сценарий по ней. На этой же студии по нашим сценариям сняты четыре фильма из сериала «Гаишники», вышедшего на телеэкраны в начале двухтысячных.

У Инги «получилось» написать много прекрасных стихов. К сожалению, она не увидела сборника своих стихотворений – «Между небом и землей», вышедших двумя тиражами в московских издательствах. Не увидела презентаций сборника в «Тбилисском доме литераторов», в «Центре Александра Солженицына» в Москве и в «Юсуповском Дворце» в Санкт-Петербурге. У меня же «получилось» написать, издать и стать «Автором года» за сборник прозы – «Грязная сучка».

Моисей Борода: А геология нервно курила в сторонке, оплакивая себя оставленной Петром Хотяновским?

Петр Хотяновский: А вот и нет! У меня «получилось» заниматься творчеством, не бросая работу по своей основной специальности – геологии, где я проработал сорок с лишним лет. Последний мой «авторский» проект в этой области: «Разведка и подсчет прогнозных запасов золото-медно-кобальтого месторождения на территории Абхазии». Подсчитанные запасы мне удалось защитить на Коллегии министерства геологии СССР, и они вошли в Государственный реестр природных ресурсов. Это был первый случай утверждения запасов, подсчитанных с использованием специальных компьютерных программ. Коллеги-геологи поймут о чем я. Увы, дурные события не позволили довести работы на месторождении до подсчета окончательных запасов. Впрочем, имея в виду уникальную природу этого региона, нужно о многом подумать, прежде чем нарушать ее ради металлов, которые можно добыть и в других местах.

Моисей Борода: Получилось, как понимаю, практически всё.

Петр Хотяновский: Из того, что «недополучилось», могу назвать больше десятка проавансированных пьес и киносценариев, ждущих своих постановщиков, а точнее продюсеров с деньгами. Среди них есть одна пьеса с поразительной судьбой – «Капитолийская волчица». Ее дважды полностью купили, но она никак не добралась до сцены. Особенно обидно, что она не вышла на сцену с великой Инной Чуриковой. Когда с нами подписывали договор, мы встретились с ней, поговорили о сроках и режиссере – ставить должен был ее муж, известный режиссер Глеб Панфилов. После «скрепления» договора шампанским, я сказал Инге: «Слишком хорошо все складывается. Черт испортит проект». Так и вышло. Инна разругалась с продюсером, который купил пьесу, и ушла из проекта.

Моисей Борода: Ты оказался прав!

Петр Хотяновский: Продюсер до сих пор мотает «Волчицу», но я очень надеюсь, что «Волчица» прорвется на сцену. Она

очень того стоит. С большой печалью вспоминаю несостоявшийся проект в «Театре на Таганке». Анатолий Васильевич Эфрос, тогда худрук театра, пригласил для постановки нашей пьесы «Следственный эксперимент» известного по Москве режиссера, Бориса Щедрина. Пьесу купили, договор заключили, сроки определили, роли распределили, и случилась беда для всего театрального мира – Анатолий Эфрос умер. Новому худруку ни Гаручава-Хотяновсий, ни их пьеса, ни Борис Щедрин оказались не нужны. Но в этой истории была и радость. Мы познакомились с Марго Эскиной, она была завлитом у Эфроса, очень подружились, да так, что впоследствии стали родственниками: мой племянник женился на дочери Маргоши, и у нас образовался общий внук. После «Таганки» Марго много лет была директором «Дома актеров» и кумиром всей театральной Москвы. Увы, несколько лет назад ее не стало.

Моисей Борода: Как зародился и воплотился в сценарий кинофильма замысел первой пьесы?

Петр Хотяновский: Первый сценарий «Такая долгая ночь» был написан с абсолютной наглостью дилетантов. Мы сложили его из элементарных представлений о развитии сюжета. Поскольку никак не рассчитывали на успех, то и фантазировали свободно. История получилась достаточно банальная, но это был тот случай, когда банальщина находит своих ценителей. Сегодняшнее сериальное кино этому лучшее подтверждение.

Моисей Борода: За первой пьесой последовала вторая... Было это, как в моей «Балладе о благородном рыцаре»: «за первой вторая вела уже третью!» или по-другому? Как возникали вдруг сюжеты новых пьес (вопрос, может быть, на засыпку?

Петр Хотяновский: Все наши последующие сценарно-драматургические работы не «строились». Я бы сказал: они «возникали». Иногда – из случайных фраз, иногда – из вдруг пришедшего названия. К примеру: утром за завтраком Инга сказала мне, что придумала хорошее название для нашей следующей пьесы «Фрак для Нобеля» и спросила – о чем будет пьеса? Я ответил мгновенно (вот те крест). Пьеса – монолог Бродского перед выходом на Нобелевскую церемонию. Такое взаимопроникновение в мысли друг друга с нами случалось часто. Пьесу-монолог о И. Бродском мы написали для нашего друга, великолепного актера и человека Георгия (Юры) Тараторкина. К сожалению, прочтение пьесы режиссером оказалось настолько «не туда», что мы «отозвали» пьесу. К счастью, договор на постановку еще не был заключен.

Сюжет первой пьесы... первоначально он был написан киносценарием, пришел мне в голову в горах Кавказа. Тогда там еще оставалось много «военного железа» и незахороненных останков немецких и наших солдат. Это был сценарий о встрече во время войны в горах немецкого разведчика, сына грузинских эмигрантов, выросшего в Германии, и старика свана, потерявшего сына на войне, устроившего в горах «охоту» на немецких солдат. В годы войны граница окопов проходила ровно по перевальной зоне Кавказского хребта. Пока «Грузия-фильм» и Госкино размышляли над сценарием, мы переписали этот сюжет для театра и поставили пьесу под названием «Когда придет мой час» в театре Советской Армии в Москве, потом в Марджановском театре в Тбилиси и в нескольких театрах Союза. В 1979 году фильм с таким же названием поставила и «Грузия-фильм». Его купили три десятка стран, и мы заработали приличные по тем временам деньги.

Моисей Борода: Расскажи о семье, предках. Имя твоей мамы – Ирина Петрова – знали в Тбилиси все, так или иначе соприкасавшиеся с английским языком. И, конечно, я слышал это имя, произносившееся всегда с «О! Петрова» – неоднократно. От тебя услышал и несколько других, более чем именитых имён. Пожалуйста, о маме и о них.

Петр Хотяновский: Что касается мамы, Ирины Владимировны Петровой, она воспитала целую плеяду специалистов английского языка в Грузии. В 1947 году она вместе с Георгием Квеселава и еще одним лингвистом (фамилию не помню) организовала первый в Грузии «Институт иностранных языков», где больше двадцати лет заведовала кафедрой английского языка. В шестидесятых годах при ее участии были созданы «Высшие курсы» для повышения квалификации преподавателей вузов. В мамином переводе на английский язык несколькими изданиями вышел древнерусский эпос «Слово о полку Игореве». Академик Дмитрий Лихачев считал эту работу лучшим ритмованным переводом с использованием староанглийского языка.

Моисей Борода: Английский, насколько я от тебя знаю, она получила от своей гувернантки.

Петр Хотяновский: Именно так. Звали гувернантку мисс Феллоуз. Она была подданной Великобритании. От матери-немки, Веры Вурцель, мама «получила» немецкий язык, а во французской школе – французский. Если прибавить к этому математический склад ума, то не удивительно, что с первых дней войны ей как лингвисту-полиглоту «предложили» работу дешифровальщицы в спецподразделении разведки. В этом качестве она успела побывать в Крымском окружении, откуда чудом спаслась, а потом в «группе обеспечения» на Тегеранской конференции в 1943 году. Ее проезд после конференции к «месту службы» через Тбилиси я запомнил на всю жизнь: сильно проголодавшимся за время войны трем детям она привезла сказочный американский военный паек. Тогда я первый раз поел настоящие финики (второй раз такие финики я ел два года назад в Израиле). И еще, как сейчас, вижу: среди горы всяческих яств стояли белые лаковые лодочки на маленьком каблучке, сестре было четырнадцать, и она была счастлива.

Моисей Борода: В тебе «смешано», во всяком случае, более десяти кровей: русская, польская, немецко-шведская, грузинская... еврейская и т. д. Кем ты ощущаешь себя? Точнее, к какому берегу тянет сильнее?

Петр Хотяновский: Родословная Петровых мне известна на «глубину» пра-прадедушки, белозерского помещика, Павла Петрова. Он владел под г. С-Петербургом 10 тысячами акров земли. Его сын, Николай Павлович Петров, стал первым российским академиком математиком-механиком. Один сын Николая Петрова, Николай Николаевич Петров, стал основателем российской онкологической службы, а второй, Александр Николаевич Петров, мой прадедушка, дослужился до председателя коллегии мировых судей С-Петербурга. Его сын, Владимир Александрович

Петров, отец моей матери и мой дед, был управляющим удельными (царскими) имениями на Кавказе. Он посадил с помощью привезенного из Китая чаевода Лао Джин-джао первую в Российской империи промышленную чайную плантацию в Аджарии и построил в Чаква чаеперерабатывающую фабрику. Мама родилась именно в Чаква.

Моисей Борода: Это русская ветвь. А немецкая?

Петр Хотяновский: Немецкая родословная, Вурцели – потомственные инженеры Екатерининского призыва. Мой прадед, Евгений Вурцель, действительный статский советник (гражданский генерал), проектировал и строил железные дороги на Кавказе, проектировал Транссбирскую магистраль и был начальником строительства участка Междуреченск-Владивосток. В интернете можно найти фотографию: инженер Евгений Вурцель и его друг, известный полярник Фритьоф Нансен во Владивостоке.

Моисей Борода: Но Хотяновский, как я знаю, польская фамилия?

Петр Хотяновский: История появления Хотяновских на Кавказе связана с польскими восстаниями против Российской Империи в тридцатых годах 19 века. Ссыльный польский офицер Станислав Хотяновский прибыл на Кавказ с женой француженкой, родившей здесь моего деда, Николая Хотяновского, который, женившись на сиротке Тасо (Таисии) Карашвили, прижил четырех сыновей и одну дочку. Мой отец, Андро (Андрей) Хотяновский, был четвертым ребенком в семье. В свое время он осчастливил мир мной, Хотяновским Петром Андреевичем.

Моисей Борода: Сплетение Польши и Грузии!

Петр Хотяновский: Ну, и, наконец, еврейские корни. Я уверен, что любой человек, несущий в себе несколько кровей, обязательно имеет хоть маленькую толику еврейской крови.

Моисей Борода: Услышал бы такое патентованный антисемит – да он бы пятнами пошёл, чешуей оброс, а потом захотел бы поквитаться с тобой методом удушения.

Петр Хотяновский: Что до пятен и чешуи – так ему было бы и надо. А насчёт по-квитаться – боюсь, что контрреакция ему бы очень не понравилась. Всерьёз же: как ни как, история еврейской крови пару дней назад отметила свое 5778-милетие. Что касается конкретно меня, если промышленники братья Енакиевы, основавшие на Украине угледобычу и металлургическую мануфактуру были выкрестами Енохами, то и во мне есть струйка этой крови: Моя прабабушка Вера, в замужестве Вурцель, была сестрой промышленников Енакиевых. Кстати, город до сих пор носит их имя – Енакиево.

Моисей Борода: Не знаю. Енакиевы, вроде, дворянский род, даже со своим гербом, но, может быть, твои Енакиевы – другая, независимая ветвь?

Петр Хотяновский: Оставим сей вопрос пока открытым.

Моисей Борода: Одним из – для меня, во всяком случае, – невероятных эпизодов твоей биографии является первый в твоей жизни прыжок с парашютом, совершённый в 80 лет. Что это было за ощущение? Как ты вообще на это решился? Или это в твоей натуре?

Петр Хотяновский: Мне часто задают этот вопрос. Обычно я отвечаю, что сделал это, чтобы людям на моей панихиде было о чем поговорить. Если серьезно, я всегда мечтал это сделать, а подвернулся случай – не раздумывая, прыгнул. Но это было до моих восьмидесяти. Вторым прыжком я отметил свое 80-летие и потребовал, чтоб в момент приземления мне поднесли бокал шампанского. Что и было зафиксировано видеосъемкой. Перед первым прыжком, сидя в самолете, я померил пульс – 58 ударов в минуту, на земле, после прыжка с высоты 3.000 метров, пульс был 62 удара в минуту. Иначе как эмоциональным идиотизмом это не назовешь.

Моисей Борода: Ну это ты загнул! Всё же член альпинистской тусовки и тусовки любителей острых ощущений под твой термин не подходит. Но не буду спорить о твоём определении. Оставаясь в его поле, логично спросить: что ещё делает «эмоциональный идиот».

Петр Хотяновский: До сих пор, спасибо, Господи, зимой катается на горных лыжах…

Моисей Борода: Завидую белой завистью! Я и на нормальных-то лыжах кататься не умею, а тут человек на восемь лет старше – и на горных! Впрочем, завидуй-не завидуй – умения не обретёшь!

Петр Хотяновский: Ну а ещё – не дурак выпить с друзьями бутылку хорошего вина.

Моисей Борода: Вот последнее я торжественно и с удовольствием подтверждаю.

Петр Хотяновский: Честно говоря, есть люди, которые считают меня «идиотом» в прямом смысле этого термина, совсем не за прыжки с парашютом, а за изданный к юбилею сборник моей прозы – «Грязная сучка». Правда, существуют и другие мнения: русскоязычный интернет-портал «Семь искусств» признал меня «Автором года».

Моисей Борода: Рад, что тогда удалось тебя убедить отдать мне для передачи в «7 искусств» твой рассказ.

Петр Хотяновский: «Грязную сучку» поместил на своих страницах английский журнал «Русский Альбион». В июле этого года в Москве «Дом музей Алексея Толстого» устроил мой творческий вечер и презентацию «Грязной сучки». Как бы идиот, но не очень.

Моисей Борода: И в заключение несколько коротких вопросов. Любимые фильмы?

Петр Хотяновский: Тренд предпочтений – фильмы режиссеров: Бергмана, Феллини, Тарковского, Кустурицы, Формана, Иоселиани, братьев Шенгелая.

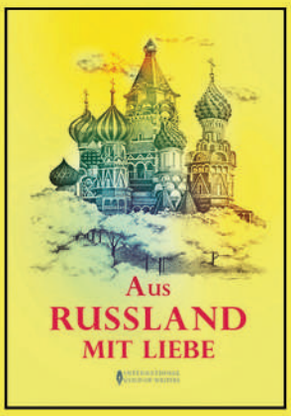
Моисей Борода: Любимые композиторы (классическая музыка, джаз)?

Петр Хотяновский: Тренд предпочтений в классической музыке: Гендель, Бах, Пёрселл, Моцарт, Бетховен, Рахманинов, Скрябин, Прокофьев. Классический джаз: Билл Эванс, Эрол Гарнер, Телониус Монк, Оскар Питерсон, Рей Чарльз, Мишель Петруччиани.

Моисей Борода: Любимые поэты, писатели, драматурги, художники?

Петр Хотяновский: Тренд предпочтений в поэзии: Лермонтов, Тютчев, Бродский, Пастернак, Цветаева, Ахматова и, конечно, Инга Гаручава. Проза: всеобъемлющий Федор Достоевский. Драматургия: всеобъемлющие Уильям Шекспир и Антон Чехов. Живопись: Иероним Босх.

Беседовал Моисей Борода, член МГП



«ИЗ РОССИИ С ЛЮБОВЬЮ»

Двуязычная (русский и немецкий) книга от МГП подарок нашим писателям

MODERNE KLASSIK

Мы из разных стран, городов или даже миров. А что в понимании каждого МИР? Для кого-то – чистое над головой небо, когда не рвутся снаряды и ласково светит солнце. Для иных мир – это семья, близкие и родные, когда между ними есть понимание, любовь друг к другу и душевность. Для третьих – это то время, в которое мы живем, и та земля, по которой ходим. А еще мир – это Вселенная или даже Мультивселенная, конечно же, Земной шар и его обитатели. Есть Внутренний мир и мир Виртуальный. Мир, созданный Богом, и Другой мир (потусторонний). Но как не разнились бы все наши миры, есть то, что может их объединить в один, а нам всем МИРно сосуществовать, не отвергая чужое, но сохраняя свое. И это ТОЛЕРАНТНОСТЬ.

В латинском языке слово tolerantia означает «терпение». Чего проще? Одна из наивысших добродетелей действительно может считаться признаком цивилизованного современного человека – терпимость. Терпимость к другому миропониманию, традициям, правилам поведения. Терпимое отношение к чужим привычкам и мировоззрению не означает равнодушия либо изменения своих собственных принципов. Это признание за другими право жить по собственным убеждениям. Но как часто наши современники применяют этот термин в измененном виде, даже в качестве оскорбления, как знак неуважения за излишнюю терпимость. Многие оставляют за собой право осуждать и оценивать чужие убеждения, привычки, которые отличны от их собственных, и считают, что это толерантность. Не есть ли то подмена понятий? А ведь толерантность, если простыми словами – это моральные нормы поведения, определяющиеся терпимостью людей, принятие принципов, веры, традиций, ощущений других как их неотъемлемое право.

В 1995 году в ЮНЕСКО была принята **Декларация**, излагающая основные принципы толерантности. В ней сказано, что толерантность это:

- отказ от агрессии;

- терпение;

- спокойное восприятие мира;

- философская оценка жизненных принципов и проявлений характера других людей.

А ведь звучит это как ответ на вопрос: «Что значит быть человеком?», не правда ли?

Мы – писатели, собравшиеся в этой книге под одной обложкой, хотим рассказать читателям о себе через призму нашего творчества. Возможно, у кого-то это получилось более чем, у кого-то менее… Мы предлагаем познакомиться с нами – авторами, пишущими по-русски. Для этого и сделали перевод на немецкий язык, чтобы быть понятыми. Ведь на самом деле, мы не другие, мы такие же, как и все. Писатели так же размышляют о дне сегодняшнем и задумываются о дне грядущем, вспоминают былое, анализируют его и делают выводы. Мы понимаем, что жить в мире и согласии могут лишь те, кто толерантен и добр по отношению друг к другу. Будьте толерантны!

Доброта и доброжелательность – качества поистине зрелых и духовных людей. И как же нужна сейчас Доброта Миру и всем людям!!! Именно Доброта помогает победить жестокость, злость, ненависть, обиду, зависть. Истинная, неподдельная Доброта идёт из глубины души и рождается в сердце из Света Души. Это производная Великой Любви.

Доброжелательность – уже способность выражать, проявлять и дарить окружающему Миру свою Доброту. Доброжелательность пробуждает в душе другого человека всё лучшее и ответную доброту (если она там есть), оживляя саму душу.

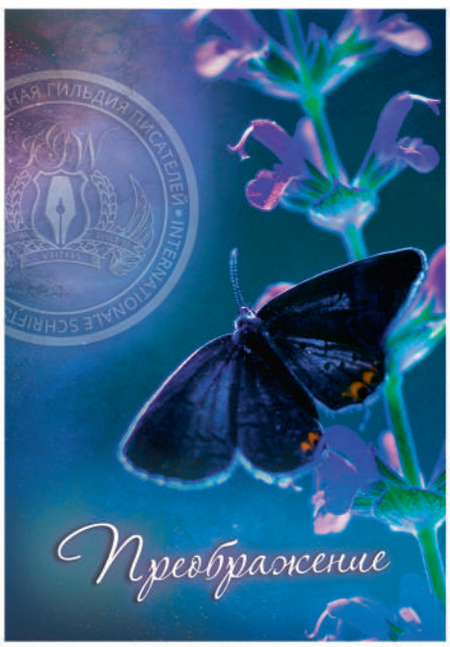
В наше время многие ставят себе цель – стать успешными, здоровыми, сильными, счастливыми, но почему-то мало кто хочет стать Добрым! Может, люди не понимают ценность и силу Доброты? Добрый – не значит мягкотелый, слабый и зависимый. Добрый – это духовно сильный, тот, кто несёт Доброту, тот, кто светится и вырабатывает позитив. А может, стать Добрым сложно? Как же стать Добрым Человеком?

Думается, что для начала необходимо растопить лёд в своём сердце, очистить его от обид, ненависти, страхов, недоверия и гордыни, только тогда сердце сможет наполниться Добротой. Возможно, это не простой, но благородный труд над собой. Второе – это основания для Доброты, и они должны быть: позитивное отношение к людям и к себе самим, к этому миру и к Творцу всего живого и сущего на Земле и в Космосе. Третье – Благодарность! Она быстро оживляет Сердце и помогает ему стать Добрее. Четвертое – жить в Законе Милосердия, то есть жить во благе, придерживаться благотворительности и проявлять любовь через открытое и МИЛОЕ СЕРДЦЕ.

Да, мы уже идем по этому пути! И мы протягиваем каждому свою руку! Мы верим, что Доброта и Толерантность спасут наш общий Мир!

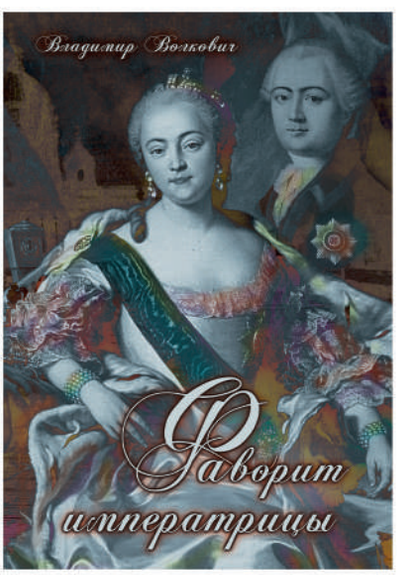
Из России с любовью…

ПО ИТОГАМ ПИТЧИНГА-2019



Каждый автор желает увидеть свои произведения изданными на бумаге. Да, в общем-то, это не проблема, – скажут многие. – Плати и издавайся. Как вариант – почему бы и нет. Но все же куда приятнее, когда автора заметили, оценили, да еще и книгу ему издали. А потом она – книга имеется в виду – поехала на международную книжную выставку в Германию, попала в немецкую государственную библиотеку, да еще и была номинирована на ряд престижных конкурсов. Реально ли это? Вполне!

Международная гильдия писателей и издательство STELLA организуют для писателей питчинги. Каждый может себя в таковом попробовать, каждый имеет право предъявить к рассмотрению свою рукопись. В мае 2019 года питчинг состоялся в рамках нашего фестиваля в Тель-Авиве. И вот новые книги вышли в свет, о них чуть подробнее.



Коллектив авторов: «Преображение».

Идея книги – поведать миру о трансформации человека. О том, как происходит переплавка в человеческом сердце порока в добродетель, страха – в мужество и силу, ненависти – в любовь.

Владимир Волкович: «Фаворит императрицы».

Книга рассказывает о единственном случае в тысячелетней истории России, когда бедный пастух из Малороссии стал фельдмаршалом Российской империи. Это произведение об Алёшке Розуме, пастухе и фельдмаршале Алексее Григорьевиче Разумовском и императрице Елизавете Петровне.

Дина Ратнер: «Сюда вернулась душа моя».

Книга о пожилом человеке, репатриировавшемся в Израиль в преклонном возрасте. Наделенный сильным воображением, он еще в детстве придумывал людям разные судьбы, а будучи в Израиле, воображает себя во времена Иудейской войны, когда был разрушен Второй Храм. Ощущение бессмертия души, представление о связи бесконечного Творца с конечным человеком, желание найти оптимальный вариант в исторических событиях двух тысячелетней давности обуславливает те или иные решения героя книги.

О ПРЕОБРАЖЕНИИ

Идет жизнь своим чередом. Скажем, не очень заметно, чтобы лучше, чем у других, но и отнюдь не хуже. Привычная круговерть дел, общений, разбавленная мечтами о свободном времяпровождении, и порою непонятное томление души в поисках дела для самовыражения. Прежде на ум приходили сравнения с хрестоматийной белкой в колесе, ныне же – мысли о Колесе сансары, так называемом «колесе обусловленного существования».

Внешнее пространство нашей жизни есть собственное взаимодействие с окружающим миром. Ну, а во внутреннем – происходит взаимодействие с самим собой: со своими представлениями, мечтами, мыслями. Именно душа суть внутренняя природа человека, с ее желанием непрерывного удовольствия, получаемого от бытия, вместо желания непрерывности работы. И она, чего греха таить, прежде всего, настроена на получение удовольствий в привычном урбанистическом комфорте с возможностями удовлетворять свои потребности, легкомысленно используя творческий потенциал не для реализации должного, нужного для увеличения добра на Земле. Человеком постоянно делается выбор работы для души: либо к созданию блага, либо к порождению зла. И по нему можно судить о мощности силы света в нем, которая пропорциональна количеству совершенного добра.

Разумеется, понимание необходимости трудиться есть. Хотя случись все это получить задаром, то, скорей всего, у иных смысл в трудовой деятельности пропал бы совсем. Только вот чаще наблюдается при поглощении комфорта и прочих благ излучение наружу негатива, недобрых чувств, мыслей. Где же вибрация благости, любви? Ведь говорят, что в человеке, божьем создании, живет его Творец. Хм... И это в душах наполненных гордыней, раздражением, ропотом и протестом, осуждением? Как среди всего этого находиться там Богу?

Право же, душа должна жить в Боге! Только такой масштаб кажется уместным. Но для этого ей еще предстоит наладить гармонию в себе и вокруг, пройти путь очищения и преображения. И такое возможно лишь при внутренней работе с собой, когда осознанно выбирается духовное совершенствование, наработка сознания, и все – при наличии основных аспектов духовного развития – Веры, Познания, Творчества и Пути. Тогда становятся видны благоприятные изменения физического облика и души. А для человека неразумного остается лишь боль как единственное средство очищения и просветления души.

Духовность, познание и взаимодействие, находясь в гармонии, непременно приведут к духовному преображению человека, проявятся глубоким спокойствием, силой, уверенностью и мудрым восприятием событий жизни. И суть преображения – в проявлении подобия нашему Творцу!

Татьяна Кайзер, член МГП

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ СЛОВЕСНОСТИ

(БОЛГАРИЯ-ГРЕЦИЯ)

Основная цель акции: Формирование единого культурного пространства, где участники представляют себя и свое творчество широкой аудитории, делятся опытом и получают дополнительные знания, в том числе в сфере литературного мастерства и сопутствующих профилей, а также самовыражения и пиара.

Выездная сессия

Галопом по Балканам

23 сентября – 4 октября

Если кто был с нами на фестивалях «Русский Stil-2018» или «Культурное лето в Хорватии-2013, 2014» и вам понравилось – присоединяйтесь. Так как это своеобразное продолжение, но дополненное с учетом последнего времени и благодаря нашим новым друзьям и коллегам.

Почему стоит поехать?

Во-первых, наша программа собирает творческих людей на всевозможные мероприятия: от мастер-классов до встреч с известными людьми и коллегами самых разных стран и национальностей.

Во-вторых, у вас есть уникальный шанс не просто поприсутствовать и посмотреть на других, но и принять участие в конкурсах, получить награды и, конечно же, представить свои произведения или заявить о культурных проектах.

В-третьих, задумывались ли вы о собственном творческом развитии, о том, чтобы на вас обратили внимание и, может быть, взяли интервью для престижного журнала, предложили издать книгу, сделать перевод ваших произведений или даже пригласили в гастрольный тур?..

С Международной гильдией писателей все это реально.
А главное – полезно!

Заявки или ваши вопросы о выездной сессии
«Галопом по Балканам»
София-Пловдив-Димитровград-Афины
принимаются по адресу: secretariat@ingild.com

ПОДРОБНАЯ ИНФОРМАЦИЯ НА САЙТЕ
WWW.INGILD.COM